

This pdf is a file in the Digital South Caucasus Collection (DSCC), a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL) hosted by the [Institute for the Study of the Ancient World Library](#) at New York University.

- Creator: Sinauridze, M. / სინაურიძე, მ. / Синауридзе, М. И.
- Title: ბოლნისის რაიონის არქეოლოგიური მესტავლის შედგები (1969-1977 წწ. გათხრების მიხედვით) / Результаты Археологического Изучения Болнисского Района (Исследования 1969-1977 гг.)
- Publication Date: 1977
- Publisher: Georgian National Museum, Georgian Academy Of Sciences
- Place of Publication: Tbilisi
- Collection: Digital South Caucasus Collection
- Collection ID: dscc_7a43bbc603

About

The Digital South Caucasus Collection (DSCC) is a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL), a project of the Library of the Institute for the Study of the Ancient World (ISAW) at New York University in cooperation with the Georgian National Museum and the Institute of Archaeology and Ethnography in the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. AWDL's mission is to identify, collect, curate, and provide access to a broad range of scholarly materials relevant to the study of the ancient world. The ISAW library is responsible for curating the collection, clearing the rights as needed, preserving the digital copies in NYU's Faculty Digital Archive, creating high-quality metadata in order to maximize discoverability, and making the works accessible to the general scholarly public.

Rights

The Georgian National Museum has granted permission to the Institute for the Study of the Ancient World of New York University to publish this material electronically in the Digital South Caucasus Collection (DSCC). We are making such material available on a noncommercial basis for research and educational purposes, in an effort to expand access to thinly-held and/or out-of-print material related to the study of the ancient world to the widest possible audience. If you wish to use copyrighted material from this site for purposes beyond those in accordance with fair use (Title 17 U.S.C. Section 107), you must obtain permission from The Georgian National Museum. We respect the intellectual property rights of others. If you believe that you own the copyright to the material made available on this site, please see our takedown policy: <http://dcaa.hosting.nyu.edu/dscc/takedown-notice>.

М. И. СИНАУРИДЗЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ
БОЛНИССКОГО РАЙОНА

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕИ ГРУЗИИ ИМ. АКАДЕМИКА С. ДЖАНАШИА
საქართველოს აკად ს. ჯანაშიას სახელობის სახელმწიფო მუზეუმი

მანანა სიცაურიძე

ბორცის გაიონის არქივის გილდიუმი
შესწავლის შედეგები
(1969—1977 წწ. გათხრების მიხედვით)

„მეცნიერება“
თბილისი
1977

WE
3808

М. И. СИНАУРИДЗЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БОЛНИССКОГО РАЙОНА

(Исследования 1969 — 1977 гг.)

5-3543

«МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1977

902 . 6 (С 41)

902 . 6 (47922)

С 38

Книга содержит исследование археологического материала, обнаруженного Арахло-Қазретской экспедицией Гос. Музея Грузии на новостройках Болнисского района. Материал, охватывающий период с раннебронзового времени вплоть до позднего средневековья, датирован в сопоставлении с современными ему памятниками Закавказья; прослеживается преемственность древних традиций в материальной культуре средневековой Квемо Картли; затронуты конкретные вопросы истории Грузии, связанные с локализацией некоторых городов и пр.

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор
Л. А. Чилашвили

С 10602
М 607 (03)-77 201-77

© Издательство „Мецниереба“, 1977

22/148

ВВЕДЕНИЕ

В работе излагаются результаты историко-археологического изучения той части Грузии, которая по нынешнему административному делению входит в Болниеский район. Исторически этот район относится к юго-восточной провинции Грузии, т. н. Квемо Картли (Нижняя Картли).

Природные условия для жизни в этом районе благоприятные. Мягкий климат, множество рек, богатство рудами полиметаллов, обширность пахотных земель и пастбищ, наличие земель, пригодных под виноградники, — все это обусловило освоение этих мест человеком с древнейших времен.

Археологическими раскопками в Квемо Картли засвидетельствованы первые поселения древнейших земледельческих племен (VI — V тыс. до н. э.), а также памятники ранне-средне- и позднебронзовых культур¹. На этой же территории обнаружены городища, селища, крепости, церкви и другие археологические памятники последующих этапов развития культуры.

Важная роль Квемо Картли в истории Грузии подчеркивается и грузинской исторической литературой. Судя по данным летописца XI в. Леонтия Мровели, здесь возникают одни из первых городов Грузии.

Расположенная на окраине Грузии, Квемо Картли культурными и экономическими отношениями тесно была связана с соседними странами Востока. В раннее средневековье через нее пролегали пути проникновения в Грузию христианской культуры.

Об этом свидетельствует большое количество раннехристианских памятников, среди них Болниеский Сион с древнейшими грузинскими надписями и с рельефами сасанидских сюжетов, преобразованных на почве христианства.

В XI—XIII вв. в Квемо Картли в результате мощного политического и экономического развития страны создаются высокохудожественные памятники грузинской самобытной национальной культуры.

В позднее средневековье Квемо Картли, находящаяся в непосредственном соседстве с враждующими с Грузией мусульманскими государствами, подвергается неоднократным их нашествиям. Тем не менее культурная жизнь страны, ее национальные традиции еще продолжают

¹ См. напр., О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили, Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии, Тб., 1971 (на груз. яз.); К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили, Древние культуры Южного Кавказа, Л., 1970.

сохраняться, хотя постепенно вместо истребленного коренного населения на территории Квемо Картли оседают ирано-тюркские племена, в результате чего здесь начинает преобладать мусульманская культура.

Памятники материальной культуры Квемо Картли, сохранившиеся до наших дней, с очевидностью свидетельствуют о древней и высокой ее культуре. О роли Квемо Картли в формировании грузинской культуры акад. Н. Бердзенишвили пишет: «...все более и более достоверным становится предположение о том, что... Квемо Картли являлась не только передовой областью христианской (и феодальной) Грузии, но что в Квемо Картли находятся истоки древнейшей культуры Восточной Грузии (культуры картов)»².

Не только значительность этого района в прошлой истории Грузии обусловила наш выбор. В настоящее время в Болниском районе ведется грандиозное строительство. Всего за несколько лет на территории горно-обогатительного комбината, в окрестностях села Казрети, возник металлургический город Маднеули. Строятся огромные заводы, жилые комплексы, проводятся дороги и т. д. Одновременно производятся работы, связанные с освоением под сельскохозяйственные участки неиспользованных земель; проводятся большие оросительные системы и прочее. При таком обширном масштабе строительства, естественно, возникает опасность повреждения ряда культурных памятников. Хотя в строительных зонах Болниского района большинство случайных археологических находок было сохранено заботливыми руками строителей, но наряду с этим были и случаи, когда при невозможности остановить темпы строительства допущено было разрушение памятника без предварительного его изучения.

Названные обстоятельства поставили перед грузинской археологической наукой неотложную задачу изучения памятников культуры и искусства в зоне новостроек Болниси.

Первой экспедицией, занявшейся изучением памятников, была экспедиция 1964—1966 гг. Института истории, археологии и этнографии им. акад. И. А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР, возглавляемая канд. ист. наук И. Гделишвили, в составе Д. Амиранашвили, Г. Насидзе.

В связи с работами горно-обогатительного комбината в Болниском районе в с. Казрети (ныне Маднеули) экспедицией были изучены остатки производства горной металлургии и поселения X—XIV вв. и последующих веков. Эти памятники подвергались повреждению в связи с прокладыванием дороги, ведущей из Казрети на карьер, и добыванием руды³.

² Н. Бердзенишвили, К исторической географии, «Сборник по исторической географии Грузии», I, Тб., 1960, с. 14 (на груз. яз.).

³ И. Гделишвили, Дж. Амиранашвили, Раскопки в Маднеульском «Саркинети» в 1964 году, XIX научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1964 г., Краткие отчеты, Тб., 1965; И. Гделишвили, Дж. Амиранашвили, Г. Насидзе, Итоги Маднеульской археологической экспедиции 1965 г., XV Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1965 г., Аннотации докладов, Тб., 1966; И. Гделишвили, Дж. Амиранашвили, Г. Насидзе, Основные результаты Маднеульской археологической экспедиции 1966 г., XVI научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1966 г., Краткие отчеты, Тб., 1967.

С 1970 г. по настоящее время на территории Маднеульского горно-обогатительного комбината производит свои работы Казретская археологическая экспедиция Гос. Музея Грузии им. Джанашиа, руководимая канд. ист. наук М. Синауридзе. В экспедиции в разные годы участвовали: доктор ист. наук Я. Киквидзе, кандидаты ист. наук Г. Авалишвили, Т. Беридзе, Р. Долаберидзе, Г. Кикнадзе, науч. сотр. Н. Абхазава, Г. Гиунашвили, М. Лабадзе, М. Микадзе, М. Мачавариани, И. Мдивани, Л. Хведелидзе, М. Шарашенидзе и художник Н. Велиашвили.

Этой же экспедиции в 1974—1975 гг. поручено было изучение памятников средневековья, подвергающихся повреждению в зоне строительства оросительной системы р. Храми на территории совхоза Арахло в Болниеском районе.

В настоящей работе главным образом изучены результаты раскопок и разведочных работ, производимых в Болниеском районе выше-названной экспедицией. Это не исключило использование и богатого историко-археологического материала, добывшегося другими экспедициями или отдельными учеными, исследовавшими этот или же соседний районы, включенные в единый ареал культурного развития. Среди этих исследований особо следует отметить результаты раскопок 1936—1937 гг. храма Болниси и его окрестностей, начавшихся по инициативе И. Джавахишвили⁴; отдельные публикации Е. Такайшвили⁵ и Л. Мусхелишвили⁶, работы историко-географической экспедиции Квемо Картли в 1956—1958 гг., возглавляемые Н. Бердзенишвили и продолженные под руководством И. Гдзелишвили в Казретском и Поладаурском ущельях и в Цалке. Работы двух дманиских экспедиций в 1936—1939 гг. под руководством Л. Мусхелишвили⁷ и в 1960—1970 гг. под руководством В. Джапаридзе⁸; результаты раскопок Дж. Амирания на Ламази Гора в 1959 г.⁹ и пр.

Наконец, следует отметить, что поскольку Арахло-Казретская экспедиция занималась главным образом изучением памятников средневековой Грузии в работе преобладают материалы этого периода. Тем

⁴ Н. Чубинашвили, Болниеский сион, т. IX, Вестник ЯИИМК, Тб., 1940; Л. Мусхелишвили, Болниси, т. III, Вестник ЯИИМК, Тб., 1938.

⁵ Е. Такайшвили, Надписи памятников Сомхит-Саорбело, ч. I, Париж, 1901; ч. II, Труды Тбилисского Гос. ун-та, т. XLIII, 1951; Л. Мусхелишвили, Археологические экскурсии в ущелье Машавери, Тб., 1941 (на груз. яз.).

⁶ Н. Бердзенишвили, К исторической географии. «Сборник по исторической географии Грузии», I, Тб., 1960; II, Тб., 1964; Его же, Листок из историко-географического дневника; Д. Мусхелишвили, Результаты полевых работ историко-географической экспедиции Квемо Картли (1956—1958 гг.); Его же, Акджакала—Крепость Гаги; Г. Григория, Т. Татишвили, Древнейшие памятники Квемо Картли; Г. Цкитишвили, Цопи, Историко-географический очерк; Д. Бердзенишвили, Из истории феодального рода Панаскертели (в связи с неизвестной надписью сел. Церакви); Его же, Вопросы исторической географии Болниси (на груз. яз.).

⁷ Л. Мусхелишвили, Дманиси (История города и описание городища); Материальная культура эпохи Шота Руставели, Тб., 1938 (на груз. яз.).

⁸ В. Джапаридзе, Краткий отчет работ Дманисской археологической экспедиции 1955—1956 гг. Экспедиции Гос. Музея Грузии, т. I, Тб., 1960; т. II, Тб., 1971 (на груз. яз.).

⁹ Дж. Амирания, Памятники грузинской архитектуры и рельефной скульптуры раннефеодального времени, Тб., 1968 (на груз. яз.).

не менее в ряде случаев, связанных с неотложностью строительства, экспедиции пришлось изучать памятники более ранних культур. Результаты исследования этих материалов, так же как и наиболее значительных случайных находок, обнаруженных в Болниssком районе, нашли свое отражение в труде¹⁰.

¹⁰ Материал Арахло-Казретской экспедиции рассматривается в статьях: М. Синауридзе, Отчет Казретской археологической экспедиции, Отчеты археологических экспедиций Гос. Музея Грузии, III, IV, V, 1975—1977 гг. (на груз. яз.); М. Синауридзе, Казретская экспедиция, Археологические открытия 1971 г., М., 1972, с. 470—471; М. Синауридзе, Т. Беридзе, Античные и раннефеодальные памятники Казретского ущелья, Жур. «Дзеглис Мегобари», 27—28, Тб., 1971; М. Синауридзе, Раннехристианские памятники Хатисопели, Вестник Гос. Музея Грузии, XXXI-В, Тб., 1975; М. Синауридзе, Г. Гиунашвили, Погребения поздней бронзы и раннего железа из Казрети, Вестник Гос. Музея Грузии, XXXII-В, Тб., 1976 (на груз. яз.).

ГЛАВА I

ПАМЯТНИКИ БРОНЗОВОЙ И АНТИЧНОЙ ЭПОХ ИЗ КАЗРЕТИ

1. ПАМЯТНИКИ БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ

Самыми ранними археологическими памятниками на территории Маднеули являются обнаруженные в с. Казрети (близ железнодорожной станции, на месте строящегося хлебозавода) остатки поселения раннебронзовой эпохи.

К сожалению, этот памятник не был замечен во время производимых здесь строительных работ. И только когда уже был заложен фундамент здания и дополнительно пришлось углубить его для закладки бетонированных колонн, памятник случайно был обнаружен в одной из ям, на глубине 1 м¹.

Культурный слой содержал выжженную землю. У северо-западной стены этой площади стоял разбитый большой кувшин, верхние части которого лежали внутри нижней части сосуда. Тут же были разбросаны черепки толстостенных, чернолощенных с розовой подкладкой сосудов. На этом же уровне были обнаружены фрагмент очага с одним выступом, толстостенный сосуд с ручкой и находившимися внутри его обломками тонкостенного сосуда, а также остатки пережженных костей, на одной из которых сохранилось зеленоватое пятно от бронзового предмета. Культурный слой простирался к северу и северо-западу и проходил под «малым квадратом» фундамента колонны. К северу от места находки сосудов, на расстоянии 30—40 см, прослеживался утрамбованный слой земли (пол?) с остатками кирпича-сырца. Выяснить протяжение этого слоя вне границ колонны не оказалось возможным, так как строительные работы были уже завершены. Таким образом, судить о характере поселения приходится лишь по остаткам его, в основном по керамике.

Из обнаруженного материала были восстановлены четыре целых и части нескольких сосудов:

1. Большой сосуд сероватой глины. По-видимому, он попал в огонь и поэтому на нем имелись черные пятна. Сосуд сферический, с плоским дном и высоким и широким горлом имеет расположенные ниже плеч полусферические ручки. Размеры: выс. 42 см, диаметр корпуса 32,5 см, диаметр горла 11 см, диаметр дна 11 см.

¹ Это было замечено нами в то время, когда мы присутствовали на строительстве по поводу обнаруженных в верхнем слое (на краях ямы фундамента) погребений бронзового и раннезеленого времен, нарушенных строительными работами.

2. Баночный сосуд с чернолощеной поверхностью, на розовой подкладке, с широким горлом, выпуклым корпусом, маленьким плоским дном имеет две полусферические ручки. Размеры: выс. 24 см, диам. горла 17,5 см, диам. тула 24,5 см, диам. дна 9,5 см (табл. I).

3. Маленький сосуд-горшочек выжженный в серый цвет, по форме схожий с вышеописанным сосудом, с одной полусферической ручкой. Размеры: выс. 10,5 см, диам. 10,5 см, диам. корпуса 13 см, диам. дна 4,5 см (табл. I).

4. Миска, обожженная в серый цвет, с лощеной поверхностью, с округлыми краями и попарно расположеными на них четырьмя выступами-шишками. Размеры: выс. 8,7 см, диам. горла 14 см, диам. тула 16,5 см, диам. дна 5,6 см (табл. I).

Из обломков восстановлены часть чернолощенного на розовой подкладке низкого кувшина с широким венчиком и часть примерно такого же типа сосуда серообожженного и тонкостенного с остатком полусферической ручки.

Формы сосудов и техника их изготовления наводят на мысль, что они, так же как и само поселение, относятся к куро-аракской культуре и, следовательно, датируются III тыс. до н. э.

Что же касается локальных черт казретского поселения и выделения его в одну из определенных групп куро-аракской культуры, то определить это пока невозможно, поскольку памятник в достаточной мере не выявлен, а обнаруженный материал весьма скучен. Тем не менее можно высказать некоторые предположения, которые в будущем должны быть тщательно проверены.

Мы предполагаем, что по определенным данным, так, например, по высокой технологии лощения поверхности в черный цвет на розовой подкладке, по утонченности форм, четкому выделению отдельных частей сосуда, трехручию наряду с одно- и двухручием сосуда, по малым размерам дна и т. д., данный материал относится ко второму периоду и даже к концу первого периода ранней бронзы (по классификации Кушнаревой и Чубинишвили).

Из археологических памятников среднебронзовой культуры на территории Маднеули обнаружены погребения в с. Баличи и остатки поселения в с. Казрети.

Погребения находились в верхнем поселке с. Баличи, выше родника, в горах, у фермы, в mestечке, называемом Сипквиеби (Голыши). Они были повреждены работой экскаваторов. Нами были зафиксированы остатки четырех каменных ящиков: камни от них валялись тут же, могилы были перерыты, керамика сломана и вместе с костями разбросана в беспорядке по краям могильных ям.

В результате произведенного осмотра местности выяснилось, что в этой местности имеются и другие, но также поврежденные погребения. Предупредив председателя совхоза и работников фермы, что памятник весьма значителен и что он должен быть сохранен, мы занялись другой, уже начатой неотложной работой.

Таким образом, о погребениях из верхнего поселка Баличи нам известно лишь то, что они представляли собой захоронения в каменных ящиках и что находившаяся в них черная керамика на подкладке по технике обработки и по формам относится к среднебронзовой эпохе.

Этой же эпохой датируется обожженная в розовый цвет глиняная чаша с округлыми краями и с шишками на них (табл. I). Она была обнаружена в с. Казрети во время закладки фундамента одного из кор-

пусов жилого комплекса восьмиэтажных домов. По словам строителей, чаша была найдена в мощном культурном слое, содержащем обломки разных сосудов, перемешанных с золой и лежащих на утрамбованном и обмазанном глиной полу.

Если находки ранне- и среднебронзовой культур на территории Маднеули весьма скучны, то значительно богаче материал, принадлежавший эпохе поздней бронзы и раннего железа. Этот материал, обнаруженный случайно весной 1973 г. в местечке Велеби, близ железнодорожной станции, во время строительства хлебозавода, был частично разграблен и утерян. Изучением сохранившегося памятника, состоящего из нескольких погребений и его остатков, расположенных на краях ямы, заложенной для фундамента хлебозавода, занялась Казретская археологическая экспедиция. Территория могильника, как выяснилось при обследовании, занимала 1,5 га, на правом пологом берегу р. Машавера. Опрос строителей показал, что при закладке фундамента уничтожено пять — шесть погребений. Поэтому было решено в первую очередь начать раскопки погребений, расположенных в непосредственной близости от строительной ямы и находящихся в ближайшем будущем под угрозой уничтожения.

Экспедицией было раскопано четыре погребения. Они находились на юго-восточной стороне могильника, к северо-востоку от строящегося объекта непосредственно над ямой фундамента.

Погребение № 1. Ориентировано W—O, головой к O, размыто дождем, сохранились лишь остатки. Основная часть погребения обнаружена в N части погребальной ямы, а фрагменты черепа — в SO углу. Учитывая расположение этих остатков, а также данные других погребений, можно заключить, что покойник лежал в скорченном положении, на правом боку. У его изголовья стояли два глиняных кувшина — большой и малый. Там же были собраны сердоликовые и белые и цветные пастовые бусы. У южной стены погребальной ямы обнаружены остатки древесины и камни от молотильной доски.

Погребение № 2. Ориентировано N—S головой к N. В погребении был засвидетельствован деревянный ящик. Покойник был уложен на правый бок в скорченном положении. У ног его обнаружены два больших кувшина. Там же — череп и кости крупного рогатого скота. В NO углу лежало железное копье, в NW углу — перевернутая ящиком и почти на боку лежащая глиняная чаша (все эти предметы находились вне ящика, у внешних его стен). Под головой у покойника лежало заряженное копье, у ног же стоял маленький сосуд с крышкой (табл. II).

Погребение № 3. Над могильной ямой сооружена была каменная насыпь. В погребении кости были разбросаны во всю длину N стены ямы. Фрагменты черепа лежали у SO стены выше уровня ямы на 35 см, а нижняя челюсть была обнаружена на уровне ямы у N стены. Исходя из этого можно заключить, что покойник лежал с согнутыми конечностями, головой к SO. Погребение ориентировано было NW—SO. Инвентарь содержал только глиняную посуду, обнаруженную при вскрытии погребения, в виде разрозненных частей разбитых сосудов и их черепков.

Погребение № 4. Над погребением возвышалась каменная насыпь (табл. II). Ориентировано SO—NW головой к SO. Покойник был уложен с согнутыми конечностями на правый бок. У изголовья стояли четыре глиняных сосуда: большой кувшин, кувшин средних размеров, миска и кружка. Там же, в O углу, находились кости крупного рогатого

скота, у кистей рук лежал согнутый железный нож длиной 33 см. На левой руке обнаружен бронзовый браслет, состоящий из трех незамкнутых колец, около правой руки были рассыпаны сердоликовые и пастовые белая и голубая бусы. У шеи находилась бронзовая фибула с составной иглой. Вдоль SW стены ямы на высоте 20—25 см сохранились остатки древесины вместе с камнями от молотильной доски. Между костяком и этой доской лежал сильно заржавевший железный кинжал длиной 35 см. У ног был обнаружен маленький точильный камень с отверстием для тесьмы. Таким образом, раскопанные нами на Казретском могильнике погребения по внешнему виду представляют два типа: погребения с каменной насыпью и погребения с земляной насыпью.

Нами вскрыты два погребения с земляной насыпью № 1 и № 2. Погребение № 1 повреждено, № 2 в полной сохранности. В погребении № 2 под земляной насыпью было засвидетельствовано захоронение в деревянном ящике, сложенном из тонких срубов (размеры ящика $1,05 \times 1,35$ см).

Следовательно, в Казретских погребениях продолжали традицию постройки погребальных сооружений из деревянных срубов, имевшую место в Грузии с древних времен (Самгори, III тыс. до н. э., Бедени, ранняя бронза и т. д.).

В действительности делить эти погребения на вышеназванные типы нам кажется нецелесообразным. Возможно, они — смешанные группы. На данном этапе знаний выбрать какой-либо принцип классификации невозможно, так как одни носят признаки, свойственные другой группе.

Что же касается погребения № 1, то под земляной насыпью были обнаружены остатки молотильной доски. По этому признаку погребение № 1 схоже с погребениями с каменной насыпью.

Погребения с каменной насыпью в плане представляют собой четырехугольник с округлыми углами, выкопанный в глубине примерно на 1 м. Погребальная яма перекрывалась деревянной конструкцией, которая покрывалась 0,4—0,5 м толщиной земли. Сверху устраивалась каменная насыпь высотой в $1,5 \times 2$ м. Со временем дерево сгнивало, оседало, вместе с ним оседала и земля и каменная насыпь над ней.

В погребении № 4 деревянное перекрытие вместе с землей, по-видимому, рухнуло и сломало большой кувшин, тогда как маленький сохранился под слоем земли, осыпавшейся сквозь щель в деревянной конструкции до ее разрушения. Над этим же погребением устроенная каменная насыпь, частью сползшая в SW, оказалась на 0,4—0,5 см ниже ее же неперемещенной части.

Как было отмечено выше, в погребениях № 1 и № 4 были обнаружены остатки дерева вместе с камнями от молотильной доски. При препарации было засвидетельствовано, что в обоих случаях они находились за спиной покойника. Следовательно, в Казретских погребениях захоронения происходили не на молотильной доске. Этот факт наряду с тем, что обнаруженные камни молотильной доски весьма малочисленны и сильно стерты, наводит на мысль, что устарелые, негодные в работе молотильные доски были использованы в построении погребального сооружения. Возможно, подразумевалось, что доска сопутствует покойнику в его загробной жизни, как и остальной инвентарь. Но мы склонны предполагать, что доска могла применяться в какой-либо конструкции погребального сооружения, например для перекрытия погребальной ямы. Косвенным указанием на это служит ее местонахождение в погре-

бениях № 1 и № 4; вероятно, она сползла с ямы и поэтому находилась почти в вертикальном положении за спиной костяка.

Обращают на себя внимание находки костей и черепов крупного рогатого скота. Множество аналогичных случаев, засвидетельствованных в погребениях этого же времени (Самтавро, Гулгула, Каспи и др.), вместе с этнографическими данными дают возможность заключить, что при захоронениях производились жертвоприношения — закалывание крупного рогатого скота².

Рассмотрим обнаруженный в погребениях инвентарь: глиняные сосуды, оружия и украшения.

Основную часть инвентаря погребений составляет глиняная посуда. По назначению ее можно разделить на следующие группы: столовая и кухонная посуда и сосуды хозяйственного назначения.

Одна часть посуды изготовлена на станке. Глина в общем одинаковая, мелкозернистая. Встречаются сосуды, изготовленные из чистоотсейнной, но не осадочной глины. Часть сосудов ангобирована и лощена. В основном цвет сосудов серый с черными пятнами, нередки также и черные сосуды. Имеется несколько штук и розовато-сероватых сосудов.

Другая часть сосудов сделана от руки. В большинстве случаев они сделаны из плохо отмученной глины, форма их асимметрична, цвет розовато-серый, иногда черепок в середине коричневый с черной поверхностью и подкладкой.

Что касается форм сосудов казретской керамики, то в общем их можно охарактеризовать как сосуды с низким горлом, с едва раскрытым венчиком, в редких случаях с бортиком на нем, с сильно выпуклым, книзу резко уменьшающимся корпусом с маленьким плоским дном, с маленькой в сечении круглой ручкой, соединяющейся одним концом с венчиком горла, а другим — с плечом сосуда (табл. III).

В орнаментации керамики преобладают желобчатые и гравированные линии, опоясывающие сосуды вокруг туловы с тусклыми лощеными линиями, образующими ромбы, треугольники, сеть, которыми покрыт весь сосуд или же верхняя его часть. Встречаются и сосуды с гравированным туловом. Особенно распространены ручки, украшенные налепным орнаментом шишек, спиралей, в одном случае с инкрустацией маленькими, трубообразно согнутыми бронзовыми пластинками.

Оружия в Казретских погребениях все без исключения изготовлены из железа, тогда как украшения бронзовые.

Железные копья обнаружены в погребении № 2 (2 штуки) и в погребении № 4. Заржавевшие от проточной воды, просачивавшейся в погребения, они находились в весьма плохой сохранности. Тем не менее удалось восстановить форму одного из них. Это копье с раскрытым втулкой, с листообразным лезвием, на обеих сторонах которой резко выражен хребет.

Аналогичные копья в Грузии известны из Гантиади (Дманисский район), Триалети-Чайлари, Земо Лиси, Самтавро и из других мест. Они обнаружены также и на территории Армении и Азербайджана. В общем этот вариант датируется VII—VI вв. до н. э.

Судить о форме другого копья не представляется возможным из-за слишком плохой его сохранности.

² Т. Чубинишвили, Древнейшие археологические памятники Мцхета, Тб., 1957, с. 49.

В погребении № 4 был найден согнутый железный нож длиной 33 см и кинжал длиной 35 см. Лезвие железного ножа было сильно повреждено ржавчиной. Сохранилась его рукоятка с остатками дерева на ней. Рукоятка имеет на конце бронзовую пластинку для прикрепления к ней головки.

Ножи казретского типа обнаружены на могильниках Земо Лиси, Двани, Самтавро и в других местах. Следует отметить, что аналогичные ножи распространены на территории Шида Картли и, видимо, представляют собой локальный их вариант³.

Как отмечает Б. Пиотровский, с конца VII в. до н. э. согнутые железные ножи становятся характерными предметами южнокавказских погребений⁴. Распространение этих предметов Пиотровский связывает с экспанссией Ванского царства⁵. Но ряд ученых (О. Джапаридзе, Г. Авалишвили и др.) не разделяет это предположение, так как считает, что на Южном Кавказе согнутые ножи распространяются с VIII в. до н. э. (Мцхета, Двани, Брили, Сухуми), тогда как на территории Урарту они появляются лишь в VII—VI вв. до н. э.⁶.

Самтаврские комплексы погребений, содержащие ножи вышеописанного типа, Р. Абрамишвили датирует второй половиной VII и началом VI в. до н. э.⁷ Для Дванского могильника С. Макалатия дает общую дату — VII—VI вв. до н. э.⁸ Земо Лисские находки О. Джапаридзе датируются VII в. до н. э., допуская и более позднюю их датировку⁹.

Что касается железного кинжала, то, не имея возможности восстановить его форму в целом, мы затрудняемся судить о нем.

С железными оружиями увязывается тачильный камень, обнаруженный в погребении № 4. Такие предметы часто встречаются в позднебронзовую и раннежелезную эпохи как в культурных слоях, так и в погребальном инвентаре.

На Казретском могильнике обнаружены три бронзовых браслета и одна фибула. Фибула представлена бронзовой дугой. Средняя часть дуги широкая, с нарезным орнаментом, концы ее более узкие. На внешней стороне они орнаментированы тремя гравированными рельефными линиями. Что же касается иглы, то она, по-видимому, была железной и, заржавев, не сохранилась.

³ О. Джапаридзе свое предположение о существовании в Шида (Внутренней) Картли одного из очагов железного производства основывает на широком распространении там этих ножей. См. О. Джапаридзе, Археологические раскопки в с. Ожора, Труды Тб. Гос. ун-та, т. 65, 1957, с. 193.

⁴ Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1948, с. 192, Г. Авалишвили, Восточная Грузия в I половине I тысячелетия до н. э., Тб., 1969 (диссертационная работа).

⁵ Б. Пиотровский, Указ. соч., с. 116.

⁶ О. Джапаридзе, Указ. соч., с. 191—192; Г. Авалишвили, Указ. соч., с. 114—116.

⁷ Р. Абрамишвили, К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии, Вестник Гос. Музея Грузии, т. XXII-В, Тб., 1961, с. 372; Его же, К датировке памятников поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике, Вестник Гос. Музея Грузии, т. XIX-А, XXI-В, Тб., 1957, с. 126, 130, 131 (на груз. яз.).

⁸ С. Макалатия, Раскопки Дванского некрополя, Тб., 1948, с. 8 (на груз. яз.).

⁹ О. Джапаридзе, Указ. соч., с. 208.

Фибула казретского типа хорошо известна на Южном Кавказе. В Грузии такие фибулы происходят из Двани, Земо Лиси, Самтавро и из других мест. Такие же фибулы были обнаружены на Кармир-Блуре, вследствие чего Б. Пиотровский их считает урартскими изделиями¹⁰. О. Джапаридзе не согласен с ним, отмечая, что эти фибулы встречаются лишь на территории Закавказья¹¹.

Казретская фибула имеет большое сходство с фибулой из Самтавро, обнаруженной в погребении № 1, в 1939 г. на северном участке. Погребальный комплекс, содержащий эту фибулу, Р. Амбрамишвили датирует второй половиной VII и началом VI в. до н. э.¹². Примерно эту же дату можно принять и для вышеназванной фибулы.

Бронзовые браслеты, аналогичные казретским, являются весьма распространенными украшениями в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Можно не сомневаться, что в это время они являются предметами массового изготовления¹³.

На Казретском могильнике, как отмечалось выше, были обнаружены также сердоликовые, пастовые и одна янтарная бусы (около погр. № 1). Из них датирующее значение имеют сердоликовые бусы. В большинстве они кругло-плоские, есть и пятигранные бусы. Г. Лемллейн на основе изучения самтаврских бус пришел к заключению, что пятигранные бусы в X—VII вв. до н. э. встречаются редко, тогда как в VI в. их находки увеличиваются¹⁴. Р. Абрамишвили считает, что распространение этих бус приходится на вторую ступень широкого освоения железа, т. е. на VIII — первую половину VII в. до н. э.¹⁵.

Низкие, в концах усеченные биконические бусы (обнаружено всего четырнадцать в погребении № 1 и пять в погребении № 4) в большинстве случаев встречаются на третьей ступени широкого освоения железа, датирующейся второй половиной VII в. и первой половиной VII в. до н. э.¹⁶.

Таким образом, общая характеристика погребального обряда, могильных сооружений и инвентаря дает возможность датировать казретские погребения эпохи поздней бронзы и раннего железа VII—VI вв. до н. э.

На основе изучения этих погребений можно заключить, что они более всего близки, с одной стороны, с погребениями той же эпохи Квено Картли, известными из Гантиади (Дманисский район), Цопи и сопредельных районов Армении, а с другой — с триалетским материалом.

Это сходство сильнее всего выявляется в керамике, форма и техника изготовления которой повторяют характерные для Квено Картли образцы. Это главным образом: 1. Обожженные в черный и серый цвет большие сосуды, с шарообразным туловом, на маленьком плоском дне, с низким горлом, с едва отогнутым венчиком, с одной ручкой, украшен-

¹⁰ Б. Пиотровский, Кармир-Блур, т. I, Ереван, 1950, с. 42.

¹¹ О. Джапаридзе, Указ. соч., с. 202.

¹² Р. Абрамишвили, К датировке памятников..., с. 130—131.

¹³ О широком применении этих браслетов см. Г. Авалишвили, О. Санебидзе, Археологические раскопки в Нижней Картли, «Матне», № 4, Тб., 1967, с. 239.

¹⁴ Г. Г. Лемллейн, Каменные бусы Самтаврского некрополя, Материалы к истории Грузии и Кавказа, 29, Тб., 1951, с. 197.

¹⁵ Р. Абрамишвили, Указ. соч., с. 132.

¹⁶ Там же, с. 126.

ной налепным орнаментом, лентой, шишкой и пр. Плечи и туловище сосуда обычно украшены лощеными линиями, образующими ряды поясов, поперечные линии, сети и пр. (табл. III); 2. Обожженные в черный и серый цвет миски, имеющие внутри вокруг дна рельефные концентрические линии (табл. III); 3. Обожженные в этот же цвет одноручные кружки малых размеров (табл. III).

Следовательно, на всей территории Квемо Картли предметы из керамики характеризуются едиными формами, технологией изготовления и орнаментацией. Если учесть, что, как известно, керамика наиболее широко определяет этнические особенности племен, можно заключить, что всю территорию Квемо Картли в эпоху поздней бронзы и раннего железа заселяли племена, образующие одну этническую группу, деятельность которой, как мы увидим дальше, в последующие времена не прекращалась. —

2. ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ

К раннеантичной эпохе относится обнаруженный случайно, во время строительных работ на Казретском карьере бронзовый колокольчик, по-видимому, от штандарта VI—V вв. (табл. VI).

Колокольчик бочкообразной формы. Спереди сделан надрез, весь корпус украшен продольными рельефными линиями с насечками. Размеры колокольчика: высота 10 см, наибольшая ширина 6,5 см, высота ушка 2 см, длина надреза 5,3 см. Над надрезом выцарапан елочный орнамент. Колокольчик имеет круглую в сечении ручку-ушко. Язычок его утерян, но под ушком ясно видно место его припайки.

Аналогичный колокольчик обнаружен в Поладаурском ущелье¹⁷.

Следует вспомнить одну гемму, обнаруженную на карьере. Это — римская интальция желтоватого халцедона, изображающая сцену победы¹⁸. По описанию М. Лордкипанидзе, «в центре стоит римский воин, сблаченный в панцирь и шлем, на плечах хламида. В опущенной правой руке он держит щит. Левой рукой опирается на копье. По сторонам трофеи; перед трофеями пленные варвары со связанными руками» (табл. V).

М. Лордкипанидзе эту интальцию датирует II в. н. э. и, указывая ее происхождение, пишет: «Болниси, случайная находка»¹⁹. Как выяснилось, она была обнаружена на Казретском карьере в 1951 г. в земляной насыпи шахты № 88.

Из материалов античной эпохи, обнаруженных на территории Маднеули, особый интерес представляет бронзовая энохоя с графическим рисунком, изображающим мифологические сцены (табл. IV).

Она вместе с другими предметами была обнаружена случайно в 1972 г. во время строительства жилых корпусов 7-м трестом Маднеульстроя. Начальник участка З. С. Цхведиани и начальник треста О. А. Маргвелашвили направили найденный во время работы экскава-

¹⁷ О. В. Ткешелашвили, Памятники материальной культуры VI—V вв. из селища Шори, Тб., 1969, таб. XI (на груз. яз.).

¹⁸ М. Н. Лордкипанидзе, Геммы государственного музея Грузии, III, Каталог памятников глиптики, найденных на территории Грузии, Тб., 1961, 17 (Инв. 692), с. 66, таб. IV, 17.

¹⁹ Там же, с. 24, 66.

тора археологический материал в Институт истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили АН Груз. ССР, откуда они были пересланы в Гос. Музей Грузии. Энохоя сильно повреждена (табл. V). Одна ее сторона раздавлена (по-видимому, ковшом экскаватора), ручка ее отломана и утеряна. Несмотря на это, форма вполне различима: это сосуд, с яйцевидным корпусом, на маленьком плоском дне, с невысоким горлом и с трехчастным либообразным венчиком. Весь сосуд покрыт слоем зеленой патины, в некоторых же местах виднеются налеты вредной патины, разъевшей рисунок гравировки энохой. Размеры сосуда: высота 17,5 см, наибольшая ширина корпуса у плеч 40 см, длина дна 6 см. Плечи и горло сосуда охватывает гравированный двойной пояс, состоящий из перевитых листьев и лоз винограда. Ниже, у дна, проходит более узкий простой веревочный пояс. На всю поверхность корпуса наложен гравированный рисунок, во многих местах поврежденный и выбитый. В одном месте можно разобрать верхнюю часть обнаженной фигуры мужчины-атлета с приподнятой одной рукой, согнутой в кисти к голове, и с протянутой вперед правой рукой, возможно, держащей что-то. Голова мужчины с доходящими до плеч волосами обращена в правую сторону. Тут же через интервал (в котором могла поместиться еще одна фигура) различается часть женской развевающейся одежды. Затем следует невысокий столб, стоящий на постаменте и завершенный наподобие капители установленным на нем шарообразным предметом, переданным концентрическими линиями. С одной стороны этого столба изображена, по-видимому, танцующая пара: мужчина и женщина. Мужчина обнаженный, с накинутой на плечи шкурой, хвост и лапа которой свисают у него за спиной. Одна его рука приподнята, вторая опущена вниз. Голова мужчины обрамлена шапкой коротких волос. Напротив него другая фигура, видимо, женщины. Ее лицо не различается, видны лишь развевающаяся одежда, протянутая по направлению к мужчине левая рука и перекинутый через нее легкий развевающийся шарф. Развевающаяся одежда, протянутые руки женщины, а также поза мужчины создают впечатление танцующей пары. Возможно, по ту сторону столба с шаром эта сцена повторялась, но немного в ином варианте. Здесь же имеется лишь остаток женской одежды и части фигуры мужчины. К сожалению, из-за сильной поврежденности рисунка восстановить его целиком не удалось.

Сосуды типа энохой в Грузии распространены начиная с V в. до н. э. и до II—III вв. н. э. Они обнаружены в Вани, Бори, Клдеети и в других местах.

Казретский сосуд по форме более всех сходен как с сосудами из Вани, так и из Бори. В отличие от первых, он гравирован, а утраченная ручка не дает возможности выяснить, имела ли она, как и ванская, какое-либо украшение.

Вансскую энохую исследователи считают привозным изделием²⁰. То же можно сказать и о казретском сосуде (независимо от того, является он или нет по форме прямой аналогом ванского сосуда), главным образом исходя из характера его гравированного рисунка²¹.

²⁰ О. Д. Лордкипанидзе, Р. В. Путурдзе, В. А. Толордава, А. М. Чхония, Археологические раскопки в Вани в 1969 г., Вани I, Археологические раскопки 1947—1969, Тб., 1972, рис. 208, с. 213 (на груз. яз.).

²¹ Ср. с римской энохой I в. н. э. Kopenhagen und Umgebung. Weltstädte der Kunst, Edition Leipzig, 1967, т. 25.

Среди остальных предметов того же участка следует отметить стеклянную колбообразную слезницу с грушевидным дном, высоким горлом и отогнутым венчиком, датирующуюся по аналогиям из Мцхета-Самтавро, Урбниси и др. I—II вв. н. э. (табл. V), вторую колбообразную слезницу, но несколько иной формы, разбитую на мелкие кусочки, — III — IV вв., и обожженный в розовый цвет кувшин с выпуклым животом и с трилистным венчиком, датирующийся I—III вв. н. э.

В целях контроля было решено произвести раскопки на местах случайных находок. В северной стене строительной ямы, где был заложен фундамент дома № 1, на глубине 1 м были обнаружены остатки погребения и засвидетельствован лишь один обожженный в черный цвет кувшинчик с округлыми краями и маленьким дном, датирующийся по аналогичному материалу позднеантичным временем. В остальных шурфах, заложенных близ указанных строителями мест, археологический материал вовсе не был обнаружен.

Не получив желаемых результатов на строительном участке, но тем не менее произведя контрольные раскопки, мы установили, что сохранившаяся часть могильника продолжалась к западу и северо-западу строительства на поле, граничащем с дорогой, ведущей к школе. Изучение этой площади являлось неотложной задачей нашей экспедиции.

Таким образом, хотя на участке комплексов мы склонны выделить основную группу, включающую позднеантичный материал, все-таки не считаем возможным принимать окончательные заключения.

ГЛАВА II

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. УЧАСТОК ЦЕРКВИ БУЧУРИАНИ

Бучуриани (Бучурашени) — название местности и соответственно церкви. Она расположена в нескольких км от с. Казрети, к северо-западу от него, в лесу.

В 1964 г. Дманиssкая археологическая экспедиция, производившая под руководством В. Джапаридзе разведочные работы, обнаружила развалины церкви Бучуриани¹. Церковь зальная, малых размеров ($3,2 \times 2,2$ м), не имеющая апсиды. По описанию В. Джапаридзе, она наполовину осела в землю, так что при входе в нее приходилось наклоняться, облицовка облезла. В стены были встроены рельефные камни². Там же была обнаружена расколотая пополам база стелы с греческой надписью, расположенной между рельефом, и выделенной столбиками с арочками. Надпись издана Т. Каухчишвили и датируется ею VII—IX вв.³. Надпись гласит: «В моление Симеона и Авлиана, со всем своим домом, Господи, воспомоществуй Теодору».

На двух других параллельных сторонах базы имеется изображение равноконечного креста. Привлекает внимание тот факт, что часть изображения креста как бы отрезана. По-видимому, при исполнении греческой надписи на другой стороне базы стела была вновь отесана.

К 1970 г. церковь Бучуриани была взорвана, и камни ее лежали в развалинах в глубине ущелья. По инициативе В. Джапаридзе высланная в Маднеули Гос. Музею Грузии экспедиция (в составе М. Синуридзе — руководитель, научн. сотр. Т. Беридзе, фотогр. М. Мдивани) занялась раскопками взорванного памятника.

Под развалинами стен в западной части были обнаружены остатки древнего сооружения, сложенного в ряд из хорошо отесанных четырех камней. Судить по этим остаткам о характере, как и о датировке сооружения, не имеется никакой возможности⁴. В числе находок главным

¹ В. В. Джапаридзе, Древнейшие памятники грузинского искусства и эпиграфики, обнаруженные на территории Квемо Картли, Жур. «Дзеглис Мегобари», № 20, Тб., 1970, с. 57.

² Его же, Летописец нашей истории (еще раз о Бучурашенской церкви), Жур. «Дзеглис Мегобари», № 39, Тб., 1975.

³ Т. Каухчишвили, Греческая надпись Казрети, «Вестник Гос. Музея Грузии», XXVII-В, Тб., 1967, с. 152—165 (на груз. яз.).

⁴ См. В. Джапаридзе, Летописец нашей истории, сноска 9, с. 80.

образом обломки каменных крестов и стел. Керамика малочисленная, в основном представлена обломками. Следует отметить фрагменты судов из светлой глины с круговым рифлением или с лощеной поверхностью и один целый грубо отделанный светильник на ножке.

Стелы и кресты украшены разнообразными растительно-геометрическими мотивами и раннехристианскими сюжетами. Особенно часто встречаются стилизованные изображения непрерывных рядов лилий, пересекающихся кругов, пальметок, виноградной лозы и ее листьев и других мотивов.

Следует отметить несколько рельефов, обнаруженных до раскопок в груде камней взорванной церкви. На одном из них в образующихся изгибах побега лозы среди листьев и спирально закругленных усиков изображены клюющая птица и животное, по-видимому лиса, евшая виноград. Как отмечает В. Джапаридзе, этот рельеф по композиции и по сюжету находит себе близкие аналогии в рельефах Болниского Сиона, Акванеба и в других памятниках V—VII вв.⁵.

По нашему мнению, большой художественностью отличается фрагмент стелы с изображением манерно стилизованного животного в медальоне, обрамленного маленькими кружочками. По-видимому, к нему же относится и фрагмент стелы с гереческими буквами (альфой и сигмой — $\alpha \Sigma$), обнаруженный во время раскопок церкви в 1970 г. Ближайшие аналогии мы находим в изображениях животных в медальонах на стеле из Кизил-Килиса.

Обращают на себя внимание фрагменты стел с изображением человеческих фигур, держащих крест. На одном обломке сохранилась верхняя часть изображения, на втором — одеяние в виде расширяющейся книзу юбки. Обрамление этих изображений одинаковое: оно состоит из чередующихся столбиков и подушечек. Такое обрамление стел характерно для VI—VII вв.; так, например, оно имеется на стеле Иоанна Крестителя из монастыря Давид-Гареджи⁶. Что же касается изображения фигур, держащих крест, то их можно сравнить с изображением мужчины со штандартом на Хандисской стеле, датированной Н. Чубинашвили второй половиной VI века⁷.

С большим художественным мастерством выполнен рукав креста с изображением лежащей антилопы и лица святого (?) в перевитых медальонах (табл. VI). По форме, живости изображения, по свободной стилизации этот фрагмент ничем не уступает аналогичному рельефу из Тетри-Цкаро⁸.

Вблизи от вышеупомянутой стены были обнаружены части акротерия. Из четырех его частей три подходят друг другу. Он завершен грубо вытесанной шишкой, передающей купол. Стороны оформлены в виде фасадов церкви; на одной из сторон изображен фронтон, переданный двумя рельефными линиями с надрезами. Под углом фронтона окно, затем следует рельефное изображение креста и на этой же, центральной, оси — дверной проем, обрамленный так же, как и фронтон, двойной линией с насечками. По сторонам окна изображены симметрич-

⁵ В. Джапаридзе, Летописец нашей истории, рис. 3, с. 76.

⁶ Г. Н. Чубинашвили, Пещерные монастыри Давид-Гареджи, Тб., 1948, с. 31—33, рис. 7—37.

⁷ Н. Чубинашвили, Хандиси, Тб., 1972, с. 53.

⁸ Н. Чубинашвили, Р. Шмерлинг, Храмы в древних селениях Триалети-Олтиси и Тетрицкаро, Грузинское искусство, 2, Тб., 1948, с. 61—64, рис. 31.

ные фигуры парящих ангелов (сохранился один и голова другого). Такие же симметричные фигуры с крестами в поднятой руке, по-видимому, были изображены и по сторонам двери. (Имеется одно изображение целиком и часть креста от другого). Весьма интересно одеяние священного лица, держащего крест. Это — длинный плащ с высоким капюшоном, напоминающий одеяния членов и рыцарей некоторых церковных орденов средневекового Запада.

Смежная сторона акротерия полностью сохранилась. На ней изображен другой фасад с фронтоном, окном и двустворчатой дверью. Такое же изображение окна и двери имеется и на обломке противоположной стороны описанного фасада.

Насколько нам известно, акротерии распространены с начала развитого средневековья. Обнаруженный нами акротерий с низким рельефом и графической манерой резьбы несколько отличен и, возможно, он относится к более ранним памятникам.

Точное датирование акротерия представляет не только самостоятельный интерес: его датирование связано с датированием церкви и способно со своей стороны осветить вопрос о времени ее воздвижения и перестройки. Не располагая датирующим материалом, трудно утверждать, что церковь Бучуриани уже стояла в период раннего христианства. Множество обнаруженных крестов и стел доказывает, что в VI—VII вв. селище Бучуриани было, видимо, культовым местом, где впоследствии и была воздвигнута церковь, в свою очередь подвергавшаяся неоднократным разрушениям и переделкам.

Об одном из строительных периодов церкви, а именно о XII—XIII вв., свидетельствуют находки полихромной глазурованной керамики, черепицы с древнегрузинскими буквами письма «асомтаврули» и архитектурного орнамента в виде шишки. Возможно, на характер катастрофы, вызвавшей гибель этого слоя, указывает бронзовое кольцо для натягивания тетивы, датирующееся XII—XIII вв. и распространенное после монгольских нашествий. (Оно было обнаружено рабочими комбината до раскопок).

По-видимому, к этому же слою относятся погребения в каменных ящиках, которые обнаружились в образованном взрывом высоком откосе земли. Ни в оставшихся частях ящиков, ни в обвалившейся земле, ни в груде камней обнаружить какой-либо погребальный инвентарь нам не удалось.

В. Джапаридзе, вторично опубликовавший памятник Бучуриани (на этот раз с планом, в разрезе и со специальным анализом церкви), приводит датировку зальных построек этого типа IX—X вв. В общем принимая эту датировку, он высказывает возражения против датирования IX—X вв. указанной церкви, ссылаясь на неправильный план, а также на разрез оконного проема, на кладку, толщину стен и т. д. Самые большие сомнения у него, по-видимому, вызывают раннехристианские стелы и кресты, встроенные в стены церкви. По его мнению, эти камни могли быть встроены в стены (т. е. использованы в качестве строительного материала) после того, как они утеряли свое прежнее значение⁹. Это действительно так, но, по нашему мнению, вовсе не означает, что дату постройки церкви следует отнести к периоду развитого средневековья. Ведь церковь могла быть воздвигнута в период между VI—VII вв., которыми датируются стелы, и развитым средне-

⁹ В. Джапаридзе, Листописец нашей истории, с. 76.

вековьем, тем более, что эта дата совпадает с приведенной им же датировкой построек этого типа, а именно с IX—X веками.

Таким образом, можно заключить, что церковь могла быть построена и в IX—X вв., но для окончательного суждения нет достаточных оснований. Насколько нам известно, церкви зального типа с прямолинейной апсидой не достаточно изучены, чтобы иметь основание исключить их бытование до или после IX—X вв., а Бучурианская церковь не имеет известных нам примет, указывавших на ее дату. Свидетельством ее постройки ранее развитого средневековья, возможно, является оконный проем восточного фасада, одна часть которого сохранила прямой разрез, характерный для памятников раннего средневековья.

Что же касается того облика, каким Бучурианская церковь сохранилась до наших дней, тут нет сомнений. С беспорядочно встроенными в стены рельефами разных эпох (раннего и развитого средневековья) она является собой типичный памятник позднего средневековья, примеры которого так многочисленны на территории Квемо Картли и всей Грузии.

Из случайно обнаруженного археологического материала, происходившего из Бучуриани и любезно предоставленного нам работниками комбината, особо следует отметить перстень-печать из латуни с многоугольной шинкой и с изображением орла или же ястреба на щите (табл. V).

Кольцо в сечении круглое, снаружи восьмигранное, к нему припаян щиток с изображением птицы. Птица стоит с широко расставленными ногами и с раскрытыми крыльями. Ее мощная грудь передана двумя длинными мышцами, отделенными друг от друга глубокой линией. В общем мягко моделированные, кверху округленные крылья вырезаны с глубокой выемкой фона и расчленены у плеч посредством крупных штрихов. Поднятые кверху и немного согнутые к голове крылья как бы передают взмах при начале полета и, обрамляя повернутую вправо голову, замыкают всю композицию в круг. Особая постановка головы и шеи и переданные кругом глаза птицы придают изображению некоторую живость и даже эмоциональность. Резчик мелко заштриховал грудь, а шею отделил пунктиром, изображающим пух. Отчетливым глубоким штрихом прорезаны перья хвоста, повернутого вправо. Такой же глубокой резьбой выполнены ноги птицы со шпорами и мощными когтями. Впечатление силы, выраженной посредством широко расставленных ног с большими когтями, мощной груди, сильного взмаха крыльев, как бы смягчено манерой изображения, переданной с помощью изящно обращенных вправо головы и хвоста, а также крыльев, приподнятых кверху.

Как отмечалось выше, интальо было обнаружено случайно, во время земляных работ, проводимых поблизости от Бучурианской церкви и могильника. Точно указать место его находки строители не смогли. Возможно, оно принадлежало погребениям, поврежденным во время прокладки дороги, ведущей к карьеру. Не исключена возможность, что оно относится к культурному слою, нарушенному по той же причине. Во всяком случае тот факт, что кольцо было обнаружено отдельно, затрудняет его датировку. Остается художественно-стилистический анализ предмета, посредством которого возможно если не датировать, то определить культурную среду, к которой принадлежит кольцо.

В грузинских материалах и вообще, поскольку мы имели возможность проследить материал, непосредственные аналогии к этому пред-

мету нам неизвестны. Что же касается изображения орла или же яструба, оно широко распространено в искусстве ряда стран, и в том числе Грузии. Особенно излюблен этот сюжет в персидском искусстве в ахеменидскую, парфянскую и сасанидскую эпохи. Впоследствии он проникает в европейское искусство Ренессанса.

Из грузинских материалов в качестве аналогии следует привести серебряную чашу с графическим рисунком яструба из Армазисхеви¹⁰. Птица изображена с раскрытыми крыльями, с обращенной в сторону головой, с когтями на ногах, стоящая на ветке. Казретское интальо только по позе частично схоже с этим изображением. На мцхетской чаше композиция не заключена в раскрытое крылья, там нет мягкой моделировки, равно как и манерности; рисунок более строгий и выдержаный (возможно, это впечатление усиливает и графическое выражение рисунка на металле).

По нашему мнению, казретское изображение можно сравнить со скульптурами на звартноцкой капители. Несмотря на разницу в позе, в изображении корпуса и крыльев, оба памятника схожи.

Некоторое сходство прослеживается также с изображением птицы на одном бронзовом сосуде, датированном А. Поупом позднесасанидским временем¹¹. Орел или же яструб изображен в профиль, стоящим устойчиво, с раскрытыми крыльями, с направленными в разные стороны головой и хвостом. По передаче выпирающей груди, хвоста и крыльев бронзовый сосуд и интальо идентичны. Но на бронзовом сосуде крылья птицы направлены не вверх, как на интальо, а расходятся за ее спиной. Следует отметить, что изображение помещено в круглый медальон и композиционно задумано так, что заполняет его целиком. Этим же характеризуется и казретское интальо, композиция которого построена на двух пересекающихся диагоналях: одну составляют раскрытое левое крыло и хвост, вторую — правое крыло и вытянутая вперед нога, специально удлиненная для уравнения с диагональю второй оси.

Как известно, изображения в круглых медальонах характерны для сасанидского искусства вообще. Можно привести множество примеров с изображениями не только в круглом медальоне, но и композиционно заключенными в круг. Из материалов, обнаруженных в Грузии, можно назвать портрет вельможи на чаше из Армазисхеви, изображения на саргешском сосуде и пр. Из сасанидских изображений следует вспомнить медальоны с фантастическими животными и птицами, нанесенные на штуки, ткани и пр.¹².

Таким образом, можно заключить что, как по сюжету, так и по наполнению отдельных элементов изображения и композиции в целом интальо проявляет сходство с памятниками сасанидского круга. Что же касается вопроса о его местном, иранском или же другом происхождении, то нам кажется, что, не имея достаточного материала, решение этого вопроса преждевременно. Тем не менее можно определить дату предмета. По нашему мнению, для условной датировки можно принять VI—VII вв. Эта датировка, кроме вышеуказанных аналогий, харак-

¹⁰ А. Апакидзе, Г. Гобеджишвили, А. Каландадзе, Г. Ломтадзе, Мцхета, I, Археологические памятники Армазисхеви, Тб., 1955, рис. 29 (на груз. яз.).

¹¹ A. Pope, A Survey of Persian Art., т. IV, London—New York, 1938, табл. 225.

¹² Там же, табл. 215, 216, 225; E. Rogada, Iran Ancien, Paris, 1963, рис. 112.

терных для этого времени, обоснована и тем, что изображение в общем фасовое, между тем как некоторые элементы передаются в профиле. Как известно, изображения, где единые принципы нарушены, т. е. и фас и профиль встречаются вместе, характерны для позднесасанидского времени. Таким образом, казретское интальо мы предварительно датируем VI—VII вв. и, возможно, более поздним временем. Даже если впоследствии эта дата будет изменена, несомненной, на наш взгляд, останется принадлежность интальо к сасанидским предметам.

2. УЧАСТОК НИЖНЕЙ ЦЕРКВИ С МОГИЛЬНИКОМ

Этот объект также находится на карьере. Он представляет собой расположенный на склоне близ речки Казретула обширный могильник (18×22 м) с небольшой полуразрушенной церковью размером $3,3 \times 4,8$ м, покрытой слоем земли. До раскопок на уровне могильных плит из-под земли возвышались части алтаря и массивных квадратов, оказавшихся впоследствии базами стел, встроенных в углы церкви. На двух из находившихся в углах восточного фасада таких базах имеется по одному рельефу со вписанными в круг равноконечными крестами. Каждый рукав креста опирается на стержень, имеет у основания по одному маленькому кружку, представляющему, как выяснил Г. Чубинашвили, имитацию драгоценного камня. Круги на обоих рельефах обрамлены двойной рамкой малых треугольников. Один поставлен на короткую ось с разевающимися по обе ее стороны лентами ((табл. VII), другой — на ступенчатый постамент. По сюжету и манере выполнения (с глубоким вырезом фона, создающим эффект сменяющихся света и тени) эти рельефы датируются VI—VII вв.

Как отмечалось выше, базы впоследствии были применены в строительстве церкви. Имеющиеся на них квадратные выемки указывают на то, что они действительно служили для установления на них стел.

В результате раскопок была расчищена церковь. Церковь — зального типа, с апсидой, снаружи она вписана в четырехугольник. Ее стены сохранены на высоте 1—1,5 м, апсида выделена одной ступенью, в которой стоит высокий алтарь. Вход в церковь с запада. Справа от него в пол встроена каменная купель.

При раскопках внутренней части церкви возле алтаря были обнаружены обломки крестов и рельефных плит. Следует отметить плиту с маленькой двенадцатилистной розеткой и оригинально вписанным в круг крестом. Особый интерес представляет рукав креста с изображением двух перевитых медальонов. В верхнем, сравнительно меньшем, медальоне — равноконечный крест, в нижнем — сидящая на престоле Богоматерь. Она изображена в *en face*; ноги изображены в профиле, но, обращенные в разные стороны, не нарушают фасовый характер всей сцены. Из-за поврежденности рельефа лица Богоматери не видно. Кажется голову ее покрывает мамфорий. На ногах обувь на каблуках. Хорошо сохранились очертания престола со спинкой, на ножках и с двумя длинными подушками на нем. Этот рельеф по сюжету и по деталям его передачи находит себе ближайшие аналогии в памятниках VI в. Болнис-Капанагчи, Бармакзиси, Хандиси. На казретском кресте этот сюжет сокращен и включен в медальон. Тем самым в отличие от вышеупомянутых памятников здесь он является лишь декоративным мотивом, утерявшим первоначальный распространенный сюжетный ха-

рактер. Следовательно казретский крест, возможно, относится к несколько более позднему времени, чем названные аналогии.

Таким образом, использованные в строительстве малой церкви и обнаруженные в ней рельефные камни, все без исключения датируются раннесредневековым временем. Это приводит нас к заключению, что во время строительства церкви в нее были включены находящиеся тут же поблизости остатки памятников.

Являлись ли описанные стелы и кресты погребальными памятниками, как это принято было считать в большинстве случаев? Вслед за Н. Чубинашвили мы склонны думать, что в основном стелы имели другое назначение. Это были мемориальные памятники, поставленные в большинстве случаев группой людей, объединенных родством, или же отдельными семьями¹³. Они устанавливались в честь какого-то особого события, в данном случае — принятия христианства.

Относительно даты воздвижения церкви мы полагаем, что церковь и могильник построены почти одновременно: как только была сооружена церковь, вокруг нее возникло и кладбище. В результате раскопок было установлено, что могильник содержал грунтовые погребения, покрытые массивными, в большинстве случаев плоскими каменными надгробиями, у изголовья которых в вертикальном положении были установлены камни малых размеров. Все захоронения были без инвентаря. В них едва сохранились отдельные части костяков.

В развитое средневековье территорию находящегося вокруг церкви могильника занимали сооружения, о чем свидетельствуют обнаруженные здесь остатки стен со множеством черепицы и обломками полихромных глазуреванной и простой посуды XI — XIII вв. Такая же керамика выявлена и в шурфе, заложенном в самой церкви. В последующее время эти сооружения, по-видимому, подверглись разрушению.

Катастрофу, вызвавшую гибель памятника развитого средневековья, мы относим к концу этого периода, примерно к концу XIII в. По нашему мнению, этот памятник, как и Бучурнанская церковь, был разрушен вследствие вражеских нашествий, возможно монгольских, на что как бы указывает кольцо от тетивы, упомянутое выше.

Наконец, можно заключить, что как только в Квемо Картли наступил период передышки от бесконечных войн, местное население вернулось на прежние, обжитые места. Таким образом со временем здесь возникла церковь с могильником.

В XVI — XVII вв. на территории могильника появляются уже армянские погребения в виде хачкаров. Следовательно, сооружение погребений с массивными надгробиями относится ко времени после XIII века, но не позднее XVI — XVII вв. К этому же времени относится и постройка церкви.

В связи с датировкой принятой нами для могильника и церкви, следует вспомнить результаты раскопок, произведенных И. Гзелишвили в 1959 г. Как известно, здесь же поблизости (ниже к речке Казретула) были выявлены остатки производства горного дела и металлургии, датирующиеся монетой XIV в., обнаруженной *in situ*¹⁴. Остается заключить, что именно этому населению, занимавшемуся горным делом и ме-

¹³ Н. Чубинашвили, Хандиси, с. 8—10; Н. Чубинашвили, Стелы-кrestы Квемо Картли, «Тзеглис Мегобари», 36, 1972.

¹⁴ И. Гзелишвили, Дж. Амиранашвили, Г. Насидзе, Итоги Марнеульской археологической экспедиции 1965 г., с. 33.

таллургией, и принадлежали находившиеся немного поодаль церковь и могильник.

3. ПАМЯТНИКИ С. БАЛИЧИ

а) *Могильник с саркофагом*

Могильник находится у дороги, соединяющей верхний и нижний поселок Баличи. С северной стороны он граничит с кукурузным полем совхоза Казрети, а с юго-запада примыкает к шоссейной дороге (раньше, возможно, продолжался и в ее пределах, далее же него не прослеживается).

Поводом для раскопок могильника послужил случайно обнаруженный осенью 1971 г. во время проведения водопровода саркофаг с древнегрузинской надписью. Как известно, надпись гласит: «Душу Иесе, Христос помяни»¹⁵.

Балический саркофаг и надпись на нем вызвали большой интерес. Акад. А. Шанидзе посвятил этой надписи специальный доклад и, прочитав ее текст, датировал его VI—VII вв.¹⁶

Т. Барнавели, опубликовав надпись повторно и, датировав ее II половиной VI в., предложил иное чтение текста: «Домоуправителя Иесе, Христос помяни»¹⁷. Примерно этим же временем — V—VII вв. — датирует саркофаг с инвентарем и В. Джапаридзе¹⁸.

Однако, присутствуя при раскопках саркофага, у нас сложилось иное мнение.

Несоответствие по форме и материалу крышки, на которой имеется надпись, и ящика саркофага, а также то, что предназначенный, судя по надписи, для обзора и чтения саркофаг был погребен в землю, вызывают некоторые сомнения насчет обстоятельств его захоронения. Кроме того, хронологически не соответствуют друг другу предметы, обнаруженные в саркофаге, и надпись¹⁹.

Таким образом, на могильнике Баличи раскопки начались с целью установления даты и характера памятника, содержащего саркофаг, и тем самым, выяснения даты самого захоронения в саркофаге.

Вокруг того места, где был обнаружен саркофаг, в виде отдельных участков была раскопана площадь 10×15 м, 7×7 м и 14×2 м. (Исследованию всей площади мешала проходившая тут дорога и забор, ограждающий кукурузное поле). В результате раскопок было вскрыто до двадцати хорошо сохранившихся и несколько нарушенных каменных ящиков с христианскими безынвентарными захоронениями. Весь могильник был разделен на отдельные участки, по-видимому, составляющие фамильные упокойницы. С юго-запада к могильнику примыкали остатки массивных стен, возможно, принадлежащих церкви, на суще-

¹⁵ Теперь саркофаг находится в Грузии, в Музее быта и народного творчества, «под открытым небом».

¹⁶ А. Шанидзе, Надпись Балического саркофага, «Мачне», 2, 1972.

¹⁷ Т. Барнавели, К чтению надписи Балического саркофага, «Мачне», 2, 1972.

¹⁸ В. Джапаридзе, Саркофаг с древнегрузинской надписью «асомтаврули» из с. Баличи, «Мачне», 2, 1972.

¹⁹ Это мнение было высказано нами на научной сессии Института истории, археологии и этнографии им. И. Джавахишвили в связи с вышеизложенным докладом В. Джапаридзе.

ствование которой указывают находки рельефных камней и большого количества черепиц.

Погребения были обнаружены ниже уровня земли, примерно на 0,3 м глубины. Они представляли собой каменные ящики длиной 1,2—2,4 м, шириной 0,5—1,2 м, высотой 1 м. Покойник был уложен на спину в вытянутом положении, со скрещенными на груди руками, лицом к востоку. Некоторые погребения находились немного ниже остальных. Однако никакой разницы между этими двумя уровнями нам обнаружить не удалось.

Ящики были сложены из каменных тесаных плит и покрыты такими же плитами. Поперечные стены состояли из одной или двух плит, продольные же — из двух, трех и больших частей. В частых случаях в них были встроены мелкие камни, представляющие обломки стел, крестов и рельефных плит, датирующихся раннехристианским временем (V—VII вв.). По-видимому, в погребениях были использованы остатки подвергшихся разрушению памятников V—VII вв. — церкви (?) с могильником (?) или же воздвигнутых на открытом месте стел.

В культурном слое были обнаружены остатки строений с простой неполивной керамикой и другим археологическим материалом, датирующимся не позднее IX—X вв. Учитывая, что встроенные в каменные ящики рельефные камни датируются V—VII вв. и что, следовательно, они могли попасть в ящики лишь после разрушения памятника, которому они принадлежали, легко можно удостовериться, что могильник датируется не ранее VI—VII и не позднее X—XI вв.

Саркофаг, обнаруженный в могильнике, по нашему мнению, не был первоначально погребен, а стоял на видном месте, возможно в церкви. Можно назвать немало аналогичных саркофагов раннехристианского времени, стоящих в церквях и мавританах на видных для обозрения местах. По-видимому, в это время крышка саркофага из красного туфа с надписью покрывала соответствующую ему по форме и материалу нижнюю часть саркофага, а не ящик, высеченный из зеленоватого песчаника, вместе с которым он был обнаружен.

Естественно предполагать, что после гибели первичного памятника саркофаг был разобран. Крышка его, случайно сохранившаяся невредимой, была впоследствии вновь использована для покрытия другого, возможно более позднего, захоронения. Что же касается нижней части саркофага, то она, по-видимому, была разбита на мелкие части, о чем свидетельствуют обломки красного туфа той же породы, обнаруженные на могильнике. Один из обломков представляет собой внешний угол каменного ящика, высеченного из красного туфа и по форме подходящего к крышке саркофага с надписью.

Таким образом, можно заключить, что имеющееся в саркофаге захоронение — вторичное и, следовательно, костяк и предметы, сохранившиеся в нем, принадлежат к более позднему времени, чем надпись на крышке саркофага.

Как известно, в саркофаге был обнаружен лежащий на спине, лицом к востоку, со скрещенными руками на груди костяк. Череп и верхняя часть его были в хорошей сохранности, остальная же часть истлела.

На правой руке было обнаружено золотое кольцо со вставленным в жуковину голубым стеклянным глазком, на груди — золотая, трехугольной формы головка от булавки, украшенная голубой же вставкой (табл. IX). Ободок кольца — обрамленная витой проволокой скань. Жуковина круглая, с ложной зернистостью вокруг, с конусообразной задней

частью, к которой с двух сторон припаян ободок кольца, создавая впечатление, что он прорвет через конус жуковины. Головка булавки трехкрылая, крылья трехгранные, с украшенными зернью краями. Их концы изогнуты и, закругляясь, изображают орнамент вращающегося колеса. Между крыльями припаяны золотые стержни, на которые, судя по части, сохранившейся на одном из них, были нанизаны бусы. С целью закрепления бус стержни в концах отогнуты. В середине головки вставлено трехугольное гнездо, укращенное ложной зернью. С внешней стороны головки сохранился кусочек железа, с остатком ткани по-видимому стержня от булавки, закрепленного в одежде²⁰.

Изучив балические украшения, удостоверились, что они ни по технологии, ни по форме не находят себе аналогий в материалах, датирующихся V — VII вв.; скань ободка на балическом кольце, способ припайки жуковины на ободок, форма жуковины и, наконец, способ закрепления нанизанных на стержень бус — все эти признаки не характерны для материалов из Самтавро или же из других синхронных памятников. Балические находки не находят себе аналогий и с украшениями XII — XIII вв. Таким образом, аналогии для них следует искать после VII в. до начала XI в., следовательно, в IX — X вв.

К сожалению, недостаточная изученность археологических материалов IX — X вв. Грузии препятствует сравнению обнаруженных в саркофаге предметов с грузинским синхронным материалом²¹. Между тем в других странах, например в Древней Руси, имеются такие же по форме и технике обработки ювелирные изделия, датирующиеся XI — XII вв. (и немного более поздним временем — XIII в.)²².

Балическим предметам можно найти некоторые аналогии в других отраслях грузинского искусства X в., например, в рельефной скульптуре. Так, оформление гнезда булавки как бы повторяет центральную часть орнамента на одном из тимпанов Шепнакской церкви в Цалке, а также южного тимпана Атенской малой купольной церкви²³. Следует также учесть, что и обрамляющая эти тимпаны крупная плетенка и богатство орнамента сильно напоминают характер балических предметов.

Вернемся к самой надписи. Акад. А. Шанидзе, датируя ее, отмечает, что при малочисленности сравнительного материала нет основания датировать балическую надпись в пределах одного века, можно лишь отнести ее ко времени не ранее VI в. и не позднее VII в.²⁴. Как отмечалось, Т. Барнавели, издавший надпись повторно и прочитавший ее иначе, чем А. Шанидзе, датирует ее второй половиной VI в.²⁵. Действительно, крупные, рельефные, аккуратно выполненные некоторые буквы указывают на начало периода раннего средневековья. С другой

²⁰ Предметы, обнаруженные в саркофаге, хранятся в отделе средневековой археологии Гос. Музея Грузии под номером 42—972: 1, 2.

²¹ Тем не менее в технологии отдельных частей предметов можно найти некоторые аналогии; так напр., по форме жуковина кольца схожа с жуковинами колец из Иорских погребений. Инв. №№ 352, 143 и др.; См. Р. Рамишвили, Памятники Иорского ущелья, Тб., 1970.

²² Б. А. Рыбаков, Русское прикладное искусство X—XIII веков. Л., 1971.

²³ Е. Такайшвили, Археологические экскурсии, разыскания и заметки, вып. IV, т. I, 1914, с. 19 (на груз. яз.).

²⁴ Л. Рчэулишвили, Малая купольная церковь в Атени, Грузинское искусство, т. I, Тб., 1942, рис. 7, 8; А. Шанидзе, Ук. соч., с. 142.

²⁵ Т. Барнавели, Ук. соч., с. 147.

стороны — удлиненная форма, свободное письмо и неодинаковые размеры других букв, связывают надпись с памятниками более позднего времени, а именно — VII в. и, возможно, даже рубежа VII — VIII вв. На это же указывает и совместное использование, с одной стороны, крупных аккуратно выполненных и, с другой — неодинаковых и удлиненных букв.

Что касается самого саркофага, то прямых его аналогий, насколько нам известно, в Грузии нет.

Саркофаги широко были распространены в древнейшее время в Египте и Передней Азии. В первых веках н. э. они встречаются в Сирии, Палестине, Малой Азии и на северных берегах Черного моря, в Босфорском царстве и в Таврике, а также в ряде мест Западной Европы.

По подсчету В. Джапаридзе, в Грузии всего обнаружено 27 цельнорезанных в камне саркофагов. Ни в одном из них балический саркофаг прямой аналогии себе не находит.

Балический саркофаг по простой, несложной форме, по двускатности сторон ближе остальных из грузинских материалов соотносится с саркофагами из Мцхета, особенно с армазиевским из погр. № 7 и багинетским, датированным II в. Другую форму имеют саркофаги из Квемо Алме, Урбниси, Садгери и Диоми²⁶. Проф. Г. Читая датирует эти саркофаги начиная с X в. вплоть до XVI в. Не принимая эту датировку, В. Джапаридзе по орнаменту вписанного в круг креста заключает, что эти саркофаги намного раннего времени. Однако вписанный в круг крест этих саркофагов резко отличается от аналогичного сюжета раннесредневековых памятников. Кроме того, на некоторых аналогичных памятниках имеются и надписи, свидетельствующие о дате их создания. (Между прочим, Г. Читая их приводит. Но в труде В. Джапаридзе они не нашли отражения).

Непосредственные аналогии балического саркофага находятся в Передней Азии в материалах первых веков н. э. в раннесасанидском и доисламском временах. Следует отметить также, что и некоторые саркофаги Западной Европы несут на себе следы восточных влияний. Таковы, например, равенский саркофаг с латинской надписью Теодора Архиепископа (677—691)²⁷, и жуарский саркофаг св. Ажильберты (665 г.)²⁸. Оба эти саркофага по форме сильно напоминают балический, но в отличие от него украшены один изображением животных, другой — птиц и растительным орнаментом.

Таким образом, на основе вышепроизведенного исследования, можно заключить, что балический саркофаг, вернее его крышка с надписью, — памятник VI — VII вв. Что же касается захоронения, то оно было произведено в дальнейшем, до XI в. Саркофаг был погребен на могильнике вместе с остальными каменными ящиками.

б) Раннесредневековые рельефы из церкви Сурб-Нишани

Церковь Суб-Нишани, или Сурб//Саркис, — как ее называют проживающие тут армяне, находится в верхнем поселке с. Баличи, у до-

²⁶ Г. Читая, Каменный саркофаг Квемо-Алме, Вестник, ЯНИМК, т. VIII, 1940, рис. 2, 3, 4; П. П. Закарая, Архитектура городища Урбниси, табл. XXIV, Тб., 1965, (на груз. яз.).

²⁷ A. Diehl, Manuel d'art byzantin, 1910, p. 226, f. 136.

²⁸ R. Ghirshman, Iran, Partes et Sasanides, Paris, 1962, рис. 383.

роги, ведущей через Укангори в Малый Дманиси и некогда являвшейся главной дорогой, следующей в Армению.

Церковь находится в полуразрушенном состоянии; перекрытие и верхняя половина стен отсутствуют, вокруг разбросаны отвалившиеся камни. Это сооружение небольших размеров, зального типа, с едва расширенной абсидой. Снаружи церковь вписана в четырехугольник. Из капителей, на которые опирались арки, сохранилась лишь одна — от триумфальной арки. Вход с южной стороны. В дверном проеме архитравом служит поздняя могильная плита, на которой контурно изображен человек с предметами личного обихода. В абсиде, по сторонам алтаря вырезано по одной нише. В северной стене церкви, в устроенной напротив входа нише, находится купель.

В фасад и интерьер церкви встроены рельефные камни. Из них следует отметить два: один — с изображением побега лозы с гроздьями винограда, другой — с изображением равноконечного креста-штандарта, заканчивающегося отходящими в стороны половинами листвьев, и прочие фрагменты с характерными для раннесредневекового времени орнаментами.

Обращает на себя внимание встроенный в нишу абсиды фрагмент четырехугольной в сечении стелы (табл. VII). На ней изображены фигуры двух мужчин, расположенные одна под другой и отделенные друг от друга рамкой, образованной чередованием двух подушечек и столбиков.

Мужчина, изображенный на верхней части фрагмента стелы, одет в иранское платье в талию с дугообразно входящим подолом, отороченным каймой. На голове у него шапка кудрявых волос. Лицо и торс переданы в анфас, а ноги, обутые в мягкие «цуги» (обтягивающие ногу сапожки) без каблуков и направленные в разные стороны, даны в профиле.

В нижнем фрагменте стелы изображенный мужчина одет в парадный костюм с декоративным ложным рукавом-трубкой. Отчетливо видны расшищиеся концы рукавов и подола костюма, а также платья, виднеющегося из-под накинутого на его плечи широкого и прямого костюма. Мужчина изображен в анфас. Его голову покрывают наподобие шапки коротко остриженные волосы, в отличие от прически с кудрями верхней фигуры мужчины.

Таким образом, на стеле из церкви Суб-Нишани представлены два вида прически и платья. Эти, последние, определены Н. Чубинашвили как ирано-грузинские костюмы. Одетые в такие костюмы, светские и должностные лица изображены на ряде раннесредневековых памятников, на стелах из Болнисского и Дманисского сионов, а также на стелах Брдазори, Башкичети, рельефах Джвари и пр.

4. ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ С. РАЧИС-УБАНИ

В с. Рачис-Убани во дворе средней школы во время постройки спортивной площадки случайно были обнаружены погребения. В связи с этим была произведена разведка всей незастроенной площади.

В результате проведенных работ было расчищено девять погребений. Из них пять оказались безынвентарными. В погребениях засвидетельствованы были один или два костяка покойников, уложенных на спину, лицом к востоку, с вытянутыми нижними конечностями и со

скрещенными на груди или вытянутыми вдоль тела руками, а также лежащих на боку, с согнутыми ногами. Все погребения представляли собой каменные ящики различных размеров, сооруженные из рваных и тесаных больших камней. По два камня (в редких случаях больше) составляли продольные стены и крышку погребальных ящиков, а по одному — поперечные стены.

Инвентарь был обнаружен в четырех каменных ящиках. Рассмотрим эти погребения.

Каменный ящик № 2. Погребен ребенок, лежащий на боку с согнутыми ногами. Возле головы и шеи находились шаровидные стеклянные бусы.

Каменный ящик № 3. Погребен ребенок в христианской позе. Около шеи обнаружена была раковина — каури, немного ниже — маленький колокольчик — побрякушка.

Каменный ящик № 5. Погребено было два покойника. Один, лежащий на спине со скрещенными на груди руками. Кости другого были собраны у западной стены ящика. Под костяком последнего обнаружены бронзовый колокольчик, бронзовая пуговица, а также маленький предмет — вкладыш, изготовленный из серебряной пластины.

Каменный ящик № 6. Обнаружено было два костяка — взрослого и ребенка. Оба лежали на левом боку, головой к востоку. По-видимому, ребенок был погребен первым. По смещенному его костяку было заметно, что ящик был вскрыт при вторичном захоронении.

В слое земли над погребальной ямой был найден бронзовый стержень от булавки и маленький гильзообразный предмет из золота. У изголовья взрослого обнаружены три бронзовые булавки, украшенные художественно оформленными головками. Одна — из трех бусин жемчуга или пасты, расположенных два по сторонам и один посередине, вторая — из граната шаровидной формы, третья представляет собой удлиненную головку из граненного стекла. Головки на стержне булавок закрепляются маленькими бронзовыми розетками; некоторые из них заканчиваются еще меньшей конусовидной или расплощенной пастовой головкой (табл. IX).

Вышеописанные булавки имеют ближайшие аналогии в грузинских материалах раннефеодального времени. Так, например, булавки с головкой шаровидного граната и булавки из граненого стекла с бронзовыми розетками и с пастовой бусиной наверху встречаются в погребениях Самтавро, Армазисхеви, Бетания, Карснисхеви, Эрцо и др.²⁹. Сравнение инвентаря этих погребений, а также погребальных сооружений и обряда с рачис-убанскими погребениями, дают возможность датировать последние VI — VII вв.

5. СТЕЛЫ ХАТИС-СОПЕЛИ

Во время разведок, произведенных Арахло-Казретской археологической экспедицией в с. Цител-сопели (Болниеский р-н), известном под старым названием Хатис-сопели, была выявлена одна неизвестная

²⁹ Мцхета, с. 137—138; И. Киквидзе, Л. Чилашвили, Могильник раннефеодального времени Бетани, Вестник Гос. Музея Грузии, XXII-Б, 1961, с. 113—121; В. А. Джорбадзе, Археологические памятники феодальной эпохи в долине Эрцо, «Машне», 1968, №2, с. 224, табл. I, 2; II, I; Н. Ниорадзе, Могильник Карснисхеви, Труды Гос. Музея Грузии, т. IV, табл. I, Тб., 1926 (на груз. яз.).

церковь, содержащая памятники раннехристианского времени. Развалы этой церкви находятся на кладбище на окраине села. Церковь однонефная, зального типа, сооружена из тесаных камней. Перекрытие и часть стен церкви разрушены, апсида развалена. Сравнительно хорошо сохранены западная, северная и южная стены. На северной стене имеется пилляр с капителью. В западную стену встроен фрагмент пиллястра, столба или стелы с капителью, изваянного из одного каменного блока. Поверхность пиллястра продольно расчленена, образуя три округлых маленьких столба, два крайних — одинаковой ширины и один, средний, — меньшей. Его капитель кверху расширяется в виде трапеции с едва вогнутыми сторонами. На ней в центре изображен равноконечный крест с расширяющимися к концу рукавами. Крест обведен контурными линиями. Внутри каждого рукава на конце и между ними на фоне изображен маленький кружочек, представляющий, по определению Г. Н. Чубинашвили, имитацию драгоценного камня. Крест помещен в круг из двух рельефных линий, между которыми глубокой выемкой фона вырезаны маленькие треугольники. Над изображением креста поверхность капители заполнена коврообразным елочным орнаментом. Внизу поперек пиллястра капитель украшена двойной линией резных треугольников.

Как было отмечено выше, в северной стене церкви сохранен пилляр с капителью, на который опиралась одна из арок свода. На поверхности пиллястра рельефно изображены пересекающиеся круги из двойных линий (рельеф сильно поврежден). Изображение обрамлено полосой маленьких треугольников, образованных глубокой выемкой фона.

Рельефный рисунок пересекающихся крестов украшает одну из Болниеских стел. Этот же рельеф с таким же обрамлением имеется и на стеле из Хандиси (тут круги не одинаковые). Следует отметить, что орнамент на обеих стелах как бы перерезан. Таким образом, эти стелы во многом схожи, но в целом рисунок на стеле Хатис-сопели по сравнению с Хандисской оставляет впечатление тонкости и геометрической точности выполнения.

Мы склонны думать, что описанный столб представлял вначале стелу и впоследствии был применен в церкви в виде пиллястра одного из сводов. На пиллярце стоит капитель, рельефное украшение которой протерто и во многих местах отбито. В одном углу прослеживается рисунок — это лилии в два ряда с длинными изящными лепестками. Капитель на верху имеет карниз с изображением виноградной лозы с гроздьями и листьями винограда. Капитель и карниз по профилю напоминают болниеские формы, но в отличие от них, более узкие.

В стенах церкви наблюдаются пустые гнезда вывалившихся камней. Некоторые из них находятся в интерьере. Среди последних наше внимание привлек фрагмент камня, представляющий конец стелы. Обломок почти квадратный (учитывая косо срезанные углы, его размер $22 \times 22 \times 21,5$ см). Его конец подточен, по-видимому, для вставления в базу. На одной стороне стелы вырезана надпись, на другой же помещено изображение. Углы стелы с этой стороны обрезаны и украшены т. н. чешуйчатым орнаментом.

Оформление стел косым срезанием углов и затем украшением сплошным орнаментом встречается на ряде грузинских стел раннего средневековья, например на стеле Иоанна Крестителя из Давид-Гареджи, которая датируется второй половиной VI в. и первой половиной

VII в., на Катаульской стеле Григория Эристава-Ипатия VII в., на одной Болниской стеле, изображающей богоматерь с младенцем, датированной VI в. и т. д.³⁰

На указанной стороне стелы в середине изображены возвышающиеся на двух, поставленных один на другой, постаментах три хвойные ветви. Постаменты кубические, нижний больше верхнего, оба пересеченные диагоналями, обведенными, как и сами базы, линиями. Фон изображения глубоко вырезан, создавая эффект свето-тени в образующихся между сторонами четырехугольника и отрезками диагоналей треугольниках.

Пересеченные диагоналями четырехугольники изображены на оборотной стороне Хандисской стелы и на рельефе Эдзани³¹. Сходное изображение встречается и на стеле из Гвелдеси³². Возможно, на всех этих памятниках интересующее нас изображение трактуется как база или алтарь.

В грузинских материалах изображению помещенных на алтаре хвойных ветвей непосредственных аналогий нет. Тем не менее их можно сравнить со штандартами крестов, возвышающихся на нескольких постаментах; так, например, стела из Зеда Тмогви (VI в.), стела из Демирбулаги (VI—VII вв.), болниские стелы, датированные VI—VII вв., а также VIII—IX вв.³³, две стелы из церкви Тиусис-Текенеби³⁴, казретские стелы и т. д.

Что же касается изображения ветвей, то, как известно, зеленые ветви деревьев в христианском искусстве символизировали рай³⁵. Это общее значение имели лавровые, оливковые, кипарисовые и другие хвойные ветви. Отдельные виды придавали символу различный оттенок, не меняя его основного значения. Так, например, лавровые листья, представляющие в древней Греции и Риме символ победы, в христианском искусстве приобрели значение духовных побед. Насчет хвойных ветвей С. Уваров предполагает, что они связываются с символом причастия, но ввиду того, что они встречаются редко и не имеют формулы, трудно установить, что конкретно обозначалось этим символом³⁵.

На противоположной стороне стелы вырезана выполненная древнегрузинским письмом «асомтаврули» надпись. Она состоит из четырех строк, неполная и не имеет начала. Ее длина 1,5—2 см.

Сверху на первой строке вырезаны три буквы, из которых последняя частично утрачена (стела в этом месте обломана). Три следующие строки сохранены полностью.

После четвертой строки стела отесана для вставления ее в базу. Имеющиеся на противоположной стороне изображение и обрамляющий его орнамент примерно на уровне той же четвертой строки надписи были прерваны, и конец стелы с этой стороны также отесан. Далее стела плотно сидела в гнезде базы. Таким образом, если надпись сделана или одновременно с орнаментом или на уже стоявшей стеле, т. е. позд-

³⁰ Г. Н. Чубинашвили, Пещерные монастыри Давид-Гареджи, Тб., 1948, с. 31; Н. Чубинашвили, Хандиси, с. 91, рис. I и 33—1.

³¹ Н. Г. Чубинашвили, Ук. соч., рис. I, 33—2.

³² Там же, рис. 85.

³³ Там же, рис. 79, 74, 90.

³⁴ Л. Мусхелишвили, Археологические экскурсии, рис. 15—16.

³⁵ А. С. Уваров, Христианская символика, М., 1903, с. 192.

³⁶ Там же.

нее изображения на ее другой стороне, то надо предполагать, что она закончена.

Первые две строки не поддаются определенному чтению. В третьей и четвертой строках читается слово «мамасахлисиса» («домоуправителя»).

Сравнивая сохранившиеся на стеле фрагменты надписи с надписями на других стелах раннехристианского времени, мы попытались восстановить текст имеющихся на стеле четырех строк³⁷.

Далее в качестве предположения мы даем варианты восстановления текста:

«... в моление ...дома ...домоуправителя» (I вар.)

«... в поминание души ...домоуправителя» (II вар.).

По нашему мнению, даже не учитывая восстановленный нами текст, только по концу надписи можно заключить, что надпись стелы вотивного характера, подобно стелам Атени, Цроми, Иоанна Крестителя из Гареджи, Укангоры и др. На такое же назначение стелы указывает и символика имеющегося на ней изображения.

Как было отмечено выше, рельефы стелы Хатис-сопели находят себе ближайшие аналогии в памятниках VI — VII вв. Следует отметить, что эту дату поддерживает общий стиль изображения умеренного, выполненного штриховой манерой, но живого и выразительного рельефа. С этой датой сближается и надпись стелы как и по палеографическому характеру, так и по формулировке текста. Таким образом, художественно-стилистический анализ рельефов, как и характер письма, датируют памятник ранним средневековьем. С этой датой согласуется и наличие термина «мамасахлиси», известного по грузинским литературным и эпиграфическим памятникам этого времени³⁸.

³⁷ Палеографическая характеристика и детальный анализ текста излагаются в нашей статье «Раннехристианские памятники Хатиссопели», Вестник Гос. Музея Грузии, XXXI--B, Тб., 1975, с. 123—136.

³⁸ См., например, И. Джавахишвили, Грузинская палеография, 1926, с. 167; Памятники древнегрузинской агиографической литературы, кн. I «Мученичество Евстафия Мцхетского», Тб., 1964, с. 34 (на груз. яз.).

ГЛАВА III

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АРАХЛО И КУЧУЛО

Как было отмечено выше, археологические раскопки, начатые в Арахло и Кучуло, были вызваны строительством трассы оросительного канала, берущего воды из р. Храми у с. Арахло.

В марте 1974 г. в Гос. Музей Грузии им. Джанаша поступило сообщение о том, что трестом Водстроя Министерства мелиорации и водного хозяйства Груз. ССР на территории с. Арахло Болниского района проводится новая трасса оросительного канала, которая, как оказалось, проходит по местам древнего поселения. Из-за неотложности строительных работ возникала опасность повреждения и разрушения памятника большой исторической важности. Было решено поручить Казретской (Маднеульской) археологической экспедиции Гос. Музея Грузии им. Джанаша, производившей свои работы в Болниском районе, заняться изучением выявленного памятника¹.

В начале прокладываемого канала, к северу от с. Арахло, на скалистом холме при земляных работах, производимых близ резервуара, был обнаружен весьма значительный археологический материал — два винных кувшина и разнообразная керамика. При разведке местности были обнаружены дополнительные материалы, указывающие на нахождение здесь мощного поселения средневекового времени. Местные жители передали нам серебряные монеты, обнаруженные, судя по их словам, в зарытом в землю глиняном горшке. Монеты оказались кааниками и хулагуидскими, датирующимися XIII — XIV вв.

Таким образом, было очевидно, что раскопки должны были начаться на этом объекте. Предварительно было обследовано все поселение и намечены рабочие объекты.

Поселение (примерно 5 га) расположено на высоком скалистом мысу, который с двух сторон, частично с севера и востока, омывается р. Храми. Весь мыс покрыт террасами с остатками каменных строений на сухой кладке. Несмотря на естественные укрепления поселения, расположенного на высоком скалистом мысу, оно с целью защиты от врага было укреплено и искусственными стенами.

К западу мыс постепенно уравнивается и переходит в плоскогорье.

¹ Памятник был осмотрен группой ученых Института истории, археологии и этнографии им. акад. И. Джавахишвили АН Груз. ССР и Гос. Музея Грузии им. Джанаша. На основании информации ученых президиумом Академии наук принято решение о неотложности археологического изучения памятника. Проведение раскопок памятника средневекового времени было поручено Гос. Музею Грузии.

Здесь в одном месте имеется перешеек, которым поселение как бы отрезано от остальной части отрога хребта. Во всяком случае, здесь отчетливо виден след дороги, ведущей в поселение через этот перешеек. По-видимому, при прокладке ее и был оголен скалистый массив, выступивший в этом месте на поверхность.

Трудно сказать, какова была протяженность поселения с южной стороны, так как сразу же за трассой канала начинаются постройки новых зданий и, возможно, тогда и были разрушены нижние террасы древнего поселения. Вполне допустимо, что с этой южной стороны поселение имело ограду или же ров. Остатки этих сооружений как будто прослеживаются на поселении; нам кажется, что они относятся к намного ранней эпохе, чем средневековье, — вероятно, ко времени поздней бронзы и раннего железа. По находкам XI — XIII вв. можно полагать, что в средневековье укрепленное террасами поселение постепенно спускалось до места, где кончается нынешнее село, к берегам реки.

1 раскоп был заложен на южной стороне холма близ церкви. С юга он ограничен трассой оросительного канала, прорезывающей склон холма шириной 7 метров. Юго-западным углом этого раскопа был намечен участок, где во время прокладывания трассы была прорезана часть древней ограды. Северной границей раскопа являлась прослеживающаяся тут дорога, ведущая внутрь поселения, восточной — одно из сооружений на сухой кладке, расположение за церковью с могильником.

Таким образом, в раскоп была включена церковь с могильником, площадь которых составляла 64×52 м. Погребения были ямными, в большинстве из них инвентарь не был засвидетельствован. Покойник лежал в них на спине, в вытянутом положении, лицом к востоку, головой к западу. Сверху погребения были покрыты каменными глыбами, в редких же случаях — тесанным камнем.

Раскопки были начаты вокруг церкви. Здесь поблизости виднелись остатки ограды, возведенной на извести из тесаных камней. В результате раскопок были установлены очертания и протяженность ограды. Она заключала территорию церкви с юга на 22 метра, затем следовала к юго-западу и западу в виде ломаной линии на 43 м. Общая длина сохранившейся ограды 66 м. В некоторых местах ограда была сохранена на высоте от 0,3 — 0,5 до 1 метра; с северной же стороны она достигала 3 метров.

Церковь с трех сторон осела в землю. Лишь восточный фасад возвышался на поверхности высотой 1,80 — 2,70 м. Во время очистки церкви от земли была найдена полихромная и простая керамика, аналогичная обнаруженной на памятниках XII — XIII вв. Грузии и Закавказья.

Церковь представляет собой однонефное сооружение зального типа с абсидой. С южной стороны к ней пристроен притвор с абсидой (табл. VIII). Общие размеры ее 9×11 м. Все сооружение стоит на цоколе высотой 80 см. Абсида церкви, как и притвора, имеет по одному окну с восточной стороны. Вход в церковь с юга, с юга же имеет вход и притвор на оси, немного перемещенной от двери церкви. В интерьере церкви были обнаружены тесаные камни триумфальной и подпружной арок. Там же было найдено большое количество желобчатой и плоской черепицы с отогнутыми бортами, а также кирпича, видимо, используемого для сооружения свода. Размеры кирпича равны $23 \times 23 \times 4$ см, $24 \times 24 \times 4$ см; $23 \times 24 \times 4$ см. В абсиде церкви у северной стены стоял каменный алтарь, задняя часть которого имела дугообразную выемку.

Как отмечалось выше, вся территория вокруг церкви была использована как кладбище. Могилы в большинстве случаев примыкали к стенам церкви в несколько ярусов. Почти на уровне церкви, с ее восточной стороны, в юго-восточном углу было обнаружено сильно разрушенное погребение, сооруженное из каменных плит. В нем находились нагрудный простой крест из бронзовой пластины, с кружочками на конце каждого рукава, заржавевшее железное кольцо, серьга и обломок витого стеклянного браслета (табл. X). Серьга бронзовая, представляет собой открытую дугу с прикрепленным к ней ушком, к которому подвешана бусина жемчуга на бронзовом стержне. По аналогичному материалу из Жинвали, Рустави, Дзели-Гавази и пр. серьга датируется XI — XIII вв.²

XII — XIII вв. датируются остальные погребения в каменных ящиках, находящиеся в земле немного ниже уровня церкви. В них содержались разнообразные стеклянные и пастовые бусы, разноцветные витые и простые стеклянные браслеты, бронзовые серьги, представляющие собой простую открытую дугу, обломки бронзовых браслетов и т. д.

Над этими погребениями, уже на уровне обрушенных стен церкви, имеются погребения другого типа. Это — ямные погребения, главным образом покрытые каменными глыбами. Среди них выделяется одно погребение на уровне сохранившихся с северной стороны стен церкви. Оно покрыто массивным камнем, на котором рельефно изображены правая рука, лук и круглый выпуклый предмет, представляющий, по-видимому, ядро для метания (табл. VIII). Такие надгробия обычно относят к позднему средневековью.

Таким образом, на уровне церкви и ниже встречаются погребения, датирующиеся XI — XIII вв., а намного выше уровня пола церкви, на уровне разрушенных ее стен выше каменных ящиков периода развитого средневековья — погребения позднего средневековья. Следовательно, стратиграфические данные дают возможность датировать церковь с каменными ящиками не позднее XIII — XIV вв. Возможно, на это же указывают и некоторые конструктивные приемы, использованные в строительстве церкви, так, например, апсиды с сильным утолщением стен у перехода в своды, применение в строительстве сводов большого количества кирпича и пр.

На этом же утесе, с его северо-восточной стороны, на второй террасе, сверху, был заложен второй раскоп, впоследствии условно названный жилым и хозяйственным комплексом сооружений. Он содержит 8 помещений, среди которых 5 представляют собой огороженные с четырех сторон стенами комнаты, 3 комнаты открыты с одной стороны. Все сооружение тыльной стороной упирается в массив скал (с юга и частично с юго-западной стороны). Вход расположен с юга, восточная и северная стороны, укрепленные сухой кладкой искусственных стен, как бы свисают над утесом. Комплекс выстроен в основном массивными глыбами на сухой кладке. Стены сохранились на разной высоте, приблизительно с 0,1 — 0,5 м до 1,15 — 1,20 м. Длина всего комплекса 15 м, ширина 7,60, ширина стен в среднем равна 0,6 — 1,0 м.

Как отмечалось выше, с южной стороны имеется вход в сооруже-

² Р. Рамишвили, Археологические памятники Иорского ущелья, Сюни, Тб., 1970, с. 116—118, рис. 18, инв. 44, 289, 299; Л. Чилашвили, Дзели-Гавази (Историко-археологическое исследование), Тб., 1975, с. 54, рис. 16, 2, табл. XVI, 2 (на груз. яз.).

ние. С этой стороны к нему подступает «дорога». Вход ведет в помещение № 1, площадь которого равна $4 \times 2,5$ м. Незамкнутое стеной с восточной стороны, оно свисает над утесом, укрепленным искусственными стенами из каменных глыб на сухой кладке. С этой стороны при препарации пола был обнаружен едва завышенный каменный настил $1,5 \times 2,5$ м. Это помещение, возможно, являющееся своеобразным коридором, связывается с тремя комнатами. Один проход имеется на южной его стороне, в юго-западном углу, и ведет в помещение № 8. Второй прорезан в западной стене и посредством ступенчатой лестницы ведет в помещение № 7. Лестница каменная, двухступенчатая. Верхняя ступень, сравнительно с нижней, маленькая и уложена на нижнюю таким образом, что лестница как бы расстилается вдоль юго-западной стены в два марша. Третий проход, прорезанный в северной стене, ведет в большой зал — помещение № 2, длина которого 5,25 м, ширина 4 м. В центре зала был обнаружен четырехугольный каменный очаг; у восточной стены в полу была вырыта обмазанная специальным раствором глины яма. На уровне пола были обнаружены четыре каменные подушки столбов. Подушки были расположены в углах центрального четырехугольника. У основания стен зала на полу были очищены расположенные симметрично от них такие же базы. На всей площади зала, и особенно в центре его, были засвидетельствованы обуглившиеся остатки дерева. Можно полагать, что это — остатки столбов и, возможно, деревянного перекрытия зала. К сожалению, произошедший здесь пожар, по-видимому, был достаточно мощным, и дерево сгорело почти целиком, так что судить по его остаткам о форме столбов или же конструкции перекрытияказалось невозможным. Что же касается выделенного в центре зала столбами (т. е. подушками столбов) четырехугольника, возможно допустить, что на нем возвышался «гвиргвини» (своеобразная конструкция перекрытия из дерева жилых домов («дарбази»), в прошлом характерных для грузинского быта. Хотя, поскольку нам известно, что возвышающийся в центре не на квадрате, а на четырехугольнике гвиргвини в этнографических материалах не засвидетельствован, то на столбы, возможно, опиралось и плоское перекрытие, ибо на всем поселении преобладают как раз именно такие конструкции перекрытия.

Во время раскопок зала в нем в отличие от других комнат было обнаружено большое количество археологического материала, в числе которого были обломки глазурованных полихромных сосудов с орнаментом птиц и животных на растительно-геометрическом фоне (табл. XI — XIV), находящие себе аналогии в материалах Закавказья и южного (иранского) Азербайджана³.

Интересны находки обломков тонкостенных сосудов, железных и стеклянных предметов, браслетов с простыми и витыми стержнями из разноцветного стекла, а также плоской черепицы, возможно, указывающей на использование ее для покрытия проема в крыше т. н. «эрдо» (если допустим наличие названной конструкции).

В северной стене зала, в его северо-западном углу, проделан про-

³ См. например, В. Джапаридзе, Керамическая промышленность Грузии XI—XIII вв., Тб., 1956, табл. XLV, LXVII, 1; А. Л. Якобсон, Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала), МИА СССР, 67, М.-Л., 1959; табл. XXV, XXVI, XXVII, 1, 4; В. Н. Левинатов, Керамика старой Ганджи, Баку, 1940, рис. 17—21; К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952, рис. 196; SPA, V, табл. 607—610.

ход, поднимающийся вверх по лестнице к уровню помещения № 3. В сооружении стены, отделяющей зал от этого помещения, в основном использован находившийся тут природный скалистый массив и лишь местами в него встроены камни на сухой кладке. Помещение № 3 представляет собой замкнутую с трех сторон площадь $2 \times 2,5$ м, с востока открытую на утес. Можно предполагать, что это площадь, находившаяся на уровне плоского перекрытия зала, представляла т. н. «бани» с видом на ущелье.

На этой же террасе находится помещение хозяйственного назначения № 4, примыкающее с западной стороны к помещению № 3. Оно сооружено на уравненном скалистом грунте и открыто с двух сторон — с северной и восточной. Вдоль восточной его стены в пол врыты восемь винных кувшинов разных размеров и одна печь («тоне»). С этой же террасы можно подойти к круглому сооружению из камня на известни для хранения зерна («харо»). Его высота 2,5 м, диаметр внешних стен 1,25, толщина стен 0,25. Оно спиной упирается в скалистый массив.

Помещение № 4 широким проходом связывается с четырехугольной длиной и узкой комнатой № 5, площадь которой равна $2,85 \times 1$ м. В западной ее части на уровне пола имеются остатки в круг сложенных камней неизвестного назначения. В южной стене имеется вход в помещение № 6, являющееся квадратным (с площадью $2,75 \times 2,75$ м) и упирающееся в скалу немного ассиметричной западной стеной. Вдоль всей стены на высоте 15—20 см возвышается подковообразной формы сооружение, у краев низкое, к центру более высокое. Во время пропарации этого сооружения наше внимание привлекло большое количество находок хозяйственной и кухонной керамики, среди них имелись и обломки больших сосудов, предназначенных для хранения продуктов на зиму.

Помещение № 6 имеющимся в южной стене проходом ведет в почти квадратное помещение № 7, отличное от остальных тем, что не имеет уравненного пола; оно стоит на довольно неровной, местами выступающей заостренными концами скале. При очистке нижнего уровня от земли был обнаружен толстый гумусный слой. Возможно, это помещение было использовано для хранения запаса кизяка. По этому признаку можно было бы также предполагать, что оно использовалось для стоянки скота, но и весьма неровный пол, и вход в него посредством лестницы, ведущей через коридор, исключают это предположение.

Помещение № 8 почти квадратное — $2,25 \times 2,44$ м. Северная и восточная стены его выстроены прочно — из камня на сухой кладке. Южная и западная оставляют впечатление беспорядочно нагроможденных камней. Как было сказано выше, весь комплекс имел лишь один вход с юга, и помещение № 8, с южной и западной стороны упирающееся в массив скалы и защищенное им, не нуждалось в устройстве особого укрепления с этой стороны.

Наконец, стало возможным представить весь вид сооружения. Расположение по меньшей мере на двух террасах ступенчато (третья терраса, находящаяся внизу зала с несколькими сооружениями хозяйственного назначения «харо», возможно, тоже включалась в этот комплекс), она с восточной и северной стороны опиралась на искусственные стены, возведенные с целью укрепления утеса, и имела открытые «бани» с видом на ущелье.

В центральной части холма был вскрыт еще один жилой комплекс,

содержащий двенадцать комнат. Стены, в основном возведенные на сухой кладке, сохранены не выше 1 м (местами применен и необожженный кирпич). Помещения расположены беспорядочно и соединены посредством коридоров, проходивших один в другой. В некоторых из них имеются печи для выпечки хлеба, врытые в землю т. н. «тоне» и очаги. В двух помещениях обнаружены большие винные кувшины, по одному в каждом. Весь этот комплекс оставляет впечатление намного более бедное, чем сооружение на северо-восточном склоне холма.

Обнаруженный материал главным образом датируется развитым средневековьем. Он содержит простую, «каждодневную» посуду из керамики с красным и черным черепком, а также полихромные, глазуренные сосуды с разнообразными рисунками. В большом количестве встречаются также изделия из стекла; разноцветные браслеты различных форм, маленькие бутылочки, бусы и пр. предметы. И хотя само сооружение, как было отмечено выше, по виду, сохранившемуся до наших дней, кажется более бедным, археологический материал ни по количеству, ни по качеству не уступает находкам в северо-восточном склоне холма.

В нижнем слое центрального поселения засвидетельствованы обломки керамики и зернотерок подзиебронзовой и раннекелезной эпох. В связи с этим следует вспомнить находку бронзового наконечника копья, т. н. скифской формы, по аналогичному материалу, датируемого VII — VI вв. до н. э.

Таким образом, наличие этих материалов свидетельствует о том, что утес над рекой в нынешнем с. Арахло был заселен уже в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

Напротив вышеописанного поселения, на высоком левом берегу р. Храми, расположено второе поселение. На сравнительно маленькой площади стоят три церкви зального типа, одна из которых совершенно разрушена. Обнаруженный вокруг этой церкви археологический материал содержит керамику, типичную для XII—XIII вв.⁴.

Две церкви по первому впечатлению кажутся сооружениями позднего средневековья, но находки на всей этой территории материала развитого средневековья заставляют усомниться в этом заключении.

Севернее этого поселения, на вершине хребта, на плоскогорье воздигнута четвертая церковь, вокруг которой сооружена изгородь; снаружи и внутри нее замечаются ямы — остатки поселений.

Церкви подлежат детальному изучению. Пока что сделаны их планы и разрезы, фотоснимки и пр. Таким образом, по мере возможности экспедиция произвела разведку территории с. Арахло.

В результате этих работ можно заключить, что на месте села Арахло в XI — XIII вв. был расположен один из крупных городов Грузии. Остатки сохранившихся сооружений, церквей, улиц, древнего моста и т. д. дают возможность восстановить топографию городища: на высоком скалистом правом берегу реки Храми находился укрепленный вышгород, ниже по обеим берегам реки располагалось поселение.

Наконец, возникает вопрос, с каким из городов Грузии мы имеем дело? Конкретно ответить на этот вопрос возможно будет лишь после всестороннего изучения памятника. На данном же этапе можно лишь высказать то или иное предположение.

⁴ Материал датирован на основе работы М. Миннавили «Поливная керамика древней Грузии» (Тб., 1969).

В первую очередь следует вспомнить мнение, ранее высказанное рядом ученых (Еремьян, Меликset-Бек, С. Какабадзе), которые при локализации Гачиан-Цуртави пришли к заключению, что он был расположен на месте нынешнего с. Арахло. И. Абуладзе, рассматривая этот вопрос, пишет: «Действительно, тут поблизости от устья р. Машавери и р. Кции, по описанию Вахушти и по его карте (№ 2), отмечен Гачиани наверно Գաշենք по Ухтанесу... Окончательно подтвердить это возможно лишь вещественным доказательством, будет ли оно добыто в глубине земли или поверх нее»⁵.

Грузинская историография пришла к заключению, что старые грузинские историки нигде не упоминают Гачиани как современный им пункт. «Он больше похож на передачу старой традиции у Леонтия Мровели и историка Давида; тут тоже подразумевается более область чем пункт»⁶.

Армянский историк Х в. Ухтанес знаком с городом Гачиани Գաշենք. Он его считает старым Цуртави. В его «Истории отделения Грузии от армян» неоднократно встречаются такие определения, как «Цуртави, который есть ныне Гачиани»⁷. В одном месте он дает даже описание этого города: «... Цуртави ... тогда назывался, а ныне называется Гачиани. Тогда полнолюдная и обширная, большая и прославленная [была] столица, теперь же уменьшенный и умеренный город-село на берегу реки, которая называется Гаченагет, в области Врац-Дашт, которая является пограничной между странами армян и грузин...»⁸.

Гачиани упоминает Самуил Анец — в 30-е годы XII в. тут был побежден Иван, сын Абулети⁹.

По описанию царевича Вахушти, «... западнее Шулавери находится Манхутское ущелье и западнее его — ущелье Талавери. В конце ущелья — Чапала и ее крепость... Севернее Чапалы на утесе находится Аркевани. Оно названо Каозинани, где находятся большие строения. Это же есть и Гачиани»¹⁰.

Прав ли был Вахушти, историк XVIII в., предлагая такую локализацию Гачиани? Как известно, во времена Вахушти Гачиани уже давно не был живым, населенным пунктом. Тем не менее с локализацией Вахушти, одним из наиболее активных сподвижников царя Вахтанга VI, произшедшего демографическое, административное и хозяйственное упорядочение Квемо Картли, следует считаться. Как известно, царевич Вахушти самолично участвовал в описании Квемо Картли 1721 г. Он был воеводой Квемо Картли, имел собственные владения здесь — все это заставляет думать, что Вахушти был хорошо осведомлен. Кроме того, Вахушти было известно, что существующий в его

⁵ Яков Цуртавский, Мученичество Шушаники; Грузинский и армянский тексты издал и снабдил исследованием, вариантами, словазрем и указателем Илья Абуладзе, Тб., 1938, с. 055.

⁶ Д. Бердзенишили, Вопросы исторической географии Болниси. Сборник по исторической географии Грузии, II, Тб., 1964, с. 44 (на груз. яз.).

⁷ Ухтанес, История отделения грузин от армян; Армянский текст с грузинским переводом и исследованием издал З. Н. Алексидзе., 1975, с. 25, 67, 89.

⁸ Ухтанес, Ук. соч., с. 67.

⁹ Самуил Анец, Храника, Ереван, 1893, с. 132 (на арм. яз.).

¹⁰ Вахушти, История Грузии (Картлис Цховреба) т. IV, с. 311 (на груз. яз.).

время поселок Аркевани «изначала был Гачиани и город охоты, затем Каознани...»¹¹ (приписка на поле, рукой писца текста) и что он был расположен на утесе р. Кции к северу от Чапалы. Следовательно, Вахушти был знаком как с Чапалой, так и с расположенным к северу от нее Аркевани, который он (правильно или неправильно) считал городом Гачиани.

Д. Бердзенишвили в работе «Вопросы исторической географии Болниси» старается доказать, что крепость в с. Гучуло (Кучуло) есть не что иное, как Чапала позднефеодальной эпохи, а также Кавазини среднефеодального времени. Таким образом, перед автором возникает вопрос, окажется ли Гучуло//Кучуло древним Гачинани и Цуртави. Автор считает, что косвенные доказательства тому имеются¹². Но если действительно крепость с. Кучуло и есть Чапала позднесредневекового времени (что по нашему мнению, вполне убедительно), как же получается, что Чапала одновременно и Аркевани. Вахушти ведь не отождествлял, а наоборот, подчеркнуто различал Чапалу от Аркевани, который он считал древним Гачиани.

Таким образом, по описанию Вахушти Гачиани следует искать на утесе р. Храми, к северу от Чапалы. По этим признакам к нему казалось бы подходит Арахло, но не Кучуло.

По Ухтанесу, Гачиани находится на берегу реки, и, если даже выяснится, что однотипная с городом река, упоминаемая Ухтанесом, не является р. Кция//Храми, тем самым отпадает предположение о нахождении Гачиани на месте Арахло. Что же касается Кучуло, то оно исключено описаниями обоих историков.

С этой точки зрения археологическое изучение поселений Арахло и Кучуло нам кажется весьма перспективным.

На правом берегу р. Машавери, недалеко от каменного сводчатого моста и к северу от села Кучуло, на скалистом холме, возвышающемся над окрестностями, находится крепость. В основном каменные со смешанной кладкой кирпича на извести крепостные стены с включенными в них круглыми башнями замыкают всю вершину холма (примерно 3 га) с имеющимися на нем двумя природными скалистыми массивами с западной и восточной сторон (табл. XVII). Двадцать полукруглых контрфорсов и несколько таких же башен, поставленных примерно на равных расстояниях (7—8 м) друг от друга, огораживают южную и северную стороны холма. С востока защищенный природным массивом скал, холм не имеет отсюда доступа и не нуждается в искусственном укреплении с этой стороны.

Здесь в скалистом массиве вырезаны ступени, поднимающиеся на вершину (табл. XVIII). На нем в нескольких местах виднеются незначительные остатки сооружений из камня и кирпича и толстые куски обвалившейся штукатурки. С вершины холма открывается вид на ущелье. У подножья холма проходит оросительный канал р. Машавери, по-видимому, существовавший и в древности. На поверхности равнины замечаются углубленные выемки — остатки строений, свидетельствующие о существовании вокруг крепости поселения.

На втором скалистом массиве, возвышающемся с западной стороны холма, воздвигнут вышгород, с ведущими к нему крепостными стенами, изгибающимися в три оборота вокруг скал. Вход в вышгород

¹¹ Вахушти. История Грузии (Картлис Цховреба) т. IV, с. 310, сн. 2.

¹² Д. Бердзенишвили, Ук. соч., с. 44.

возможен лишь через дипилон, находившийся за вторым ярусом снизу. К дипилону ведет высокая отвесная лестница, прорезанная в скале, которая хорошо видна с вышгорода. Таким образом, доступ в вышгород затруднен одновременно несколькими способами.

Под верхним ярусом вышгорода в скале вырезано длинное помещение в виде коридора, ныне открытого спереди. По вырезам, имеющимся в скале, можно полагать, что туда были вставлены деревянные балки перекрытия. На этом же уровне в скалистом полу прорезаны три огромные ямы, заполненные водой. В прошлом они, несомненно, были предназначены для хранения запасов воды.

На втором ярусе с южной стороны крепости, близ находившихся здесь башен, в глубине скалы вырыты две обширные ямы: одна, расширяющаяся книзу, имеет глубину до 5 метров; другая — целиком заваленная камнями, возможно, продолжалась в глубине скалы и представляла собой туннель, спускающийся к подножью холма, но утверждать это мы не беремся¹³. Да и выход туннеля в конце холма на оголенную местность не имел бы особого смысла.

Внутри имеются остатки строений. Одно из них, окружной стеной, было сооружено из тесаных камней с двумя нишами. Экспедицией Квемо Картли (1959 г.) оно было принято за остатки церкви¹⁴, но впоследствии, в результате наших раскопок, это строение оказалось баней (табл. XIX, XX). Второе строение, сохранившееся в крепости, представляло собой весьма необычное сооружение. Оно расположено на склоне, и с южной стороны целиком врыто в землю, так что его перекрытие находится на уровне поверхности земли (табл. XXI).

К концу 1974 г. экспедиция Арахло-Казрети произвела вдоль трассы оросительного канала разведку окрестности с. Кучуло. В связи с вопросами, возникшими по поводу локализации городов Гачиани и Цуртави, было решено, по мере возможности, произвести раскопки крепости. На территории крепости были начаты раскопки двух участков, продолжавшиеся в 1975 г. I раскоп был сделан у сводчатого подземного сооружения. С юга вдоль него была раскопана площадь 16×8 м, разбитая на квадраты 4×4 м. В результате обнаружены остатки стен помещения хозяйственного назначения со стоящими на полу сосудами, зернотерками, со вкопанными в пол винными кувшинами и печами (тоне) для выпечки хлеба. Одно из таких тоне имело внутри трубу для задувания, конец его выходил на поверхность земли. В культурном слое обнаружена простая и глазурованная керамика, стеклянные браслеты, глазурованные черепицы и изразцы XII—XIII вв.

Сводчатое помещение, наполовину заваленное землей и камнями, было очищено. Выяснилось, что внутри оно было облицовано тесаными камнями. От пола на высоте 0,6 м этими камнями был образован карниз. На полу, у основания стен местами сохранился слой твердой обмазки известью или другим веществом неизвестного состава. В западной стене, на уровне пола или немного выше, имеется круглое отверстие со вставленной в него керамической трубой. Такое же, но более широкое отверстие с трубой имеется намного выше первого. Судя по этим деталям, помещение представляло собой резервуар для запаса воды и, возможно, предназначалось также для снабжения бани ходной водой.

¹³ Д. Бердзенишвили эти ямы считает туннелями. Указ. соч., с. 40.

¹⁴ Там же.

При очистке с восточной стороны внешних стен сооружения обнаружена вплотную пристроенная к стене кирпичная арка, к верху которой примыкала закругленная площадка, перекрытая твердым слоем обмазки. Сюда из хозяйственного помещения с хлебной печью, находившегося с южной стороны стрельчатого сооружения, спускалась ступенчатая каменная лестница, имевшая несколько широких маршей. Она заканчивалась у круглой обмазки близ кирпичной арки и вновь продолжалась, спускаясь к помещению со вкопанными в пол винными кувшинами (квееври).

У задней стены стрельчатого сооружения были начаты раскопки двух участков. На одном из них вскрыты помещения хозяйственного назначения со вкопанными в пол кувшинами и печами для выпечки хлеба. В верхнем слое обнаружена простая и глазурованная керамика, стеклянные браслеты, глазурованные черепицы и изразцы XII—XIII вв.

На II раскопе в одной из башен была обнаружена баня, состоящая из теплого и горячего отделений — восьмиугольных комнат и котельной с бассейном. В бане имеется своеобразная система отопления, проходящая под полом и по дну бассейнов. Ввиду того, что раскопки не закончены, остаются неясными некоторые вопросы, так, например, вопрос снабжения бани холодной водой и др. Вокруг и внутри бани были обнаружены обломки разноцветных рельефных оконных круглых стекол с рельефным узором, возможно, вставленных в окна куполов бани¹⁵. Следует отметить также находки разноцветных изразцов, по-видимому, облицовывающих каменную кладку внешних стен. В помещении, находящемся за котельной, вместе с обугленными дровами и золой были обнаружены глиняные сосуды, главным образом простые и один глазурованный с арабской надписью-пожеланием (табл. XXII)¹⁶. Обнаруженный археологический материал предварительно датируется XI—XIII вв.

В позднем средневековье жизнь в крепости хотя и менее интенсивно, но все же продолжается. По-видимому, имеющиеся внутри башен жилые и подсобные помещения к этому времени вконец были разрушены. Не имея возможности их восстановить, охранители крепости засыпали их землей и строительным материалом (гажей)¹⁷. Судя по предварительным данным, можно заключить, что в позднем средневековье крепость не имела большого стратегического значения.

Таким образом, обнаруженные в крепости Кучуло как археологические, так и архитектурные памятники датируются не ранее X—XI вв. и хотя работы не завершены, мы полагаем, что нет никаких оснований для идентификации Кучуло с раннесредневековым Цуртави.

Наконец, в связи с памятниками Квемо Картли следует сказать несколько слов об облике грузинских городов, городов-крепостей и других памятников архитектуры и материальной культуры средневе-

¹⁵ Ср. Г. Ломтадзе, Раскопки дворца и рядовых жилищ средневекальной эпохи в окрестностях древнего города Самшвилде, Археологические памятники феодальной Грузии, II, Тб., 1974, табл. IV (на груз. яз.).

¹⁶ Надпись содержит несколько слов: «Слава, счастье... благополучие». Она была прочтена сотрудником Эрмитажа канд. ист. наук А. Ивановым.

¹⁷ Аналогичный случай засвидетельствован на крепости Рустави, См. Г. Ломтадзе, К археологии крепостей Грузии, Жур. «Дзеглис Мегобарн», 14, 1968, с. 38—40 (на груз. яз.).

ковья. На основании изучения городской материальной культуры в целом, керамики, ювелирных изделий, архитектуры, стекольного производства и др. можно заключить, что именно в этих областях ощутимо прослеживается влияние культурной среды, окружавшей Грузию в XI—XIII вв. На городскую архитектуру, как и на быт горожан, оказывала воздействие мусульманская культура, достигшая в то время своих вершин. Не случайно, что оба обнаруженные в крепости Кучуло сооружения — баня и здание наподобие т. н. «овдана» — носят отпечаток мусульманской культуры. Следует вспомнить также, что и среди керамики имеются не только сосуды, которые по форме, орнаменту, рисунку и технике выполнения схожи с иранскими образцами и в некоторых случаях имитируют эти изделия, но и сосуды с арабскими и персидскими надписями. /

В грузинских городах XI — XIII вв. проживало много мусульман. (Например, в городе Дманиси, по историко-археологическим данным в XI — XIII вв., большую часть имущего населения составляли мусульмане. В XI в., по историческим сведениям, в Дманиси проживает Ситлараб, которому впоследствии грузинский царь Баграт IV передает и возвращенный (отнятый у арабов) Тбилиси¹⁸. Тём самым Баграт IV в первую очередь посчитался с мусульманским купеческим населением города, для которого проживающий в Дманиси Ситлараб был наиболее близок и приемлем. В 1073—1074 гг. в Дманиси сидит эмир, который [содействует арабскому Сарангу против грузинского царя Георгия II]¹⁹. Культура этого населения, постепенно смешиваясь с местной, наконец слилась в общее русло грузинской культуры.

В XI — XIII вв. в грузинских городах, являющихся крупными торговыми-ремесленными центрами и культурными очагами Ближнего Востока, на почве древних традиций создается местная ремесленная продукция. Широко вывозимая на внешний рынок, эта продукция становилась предметом подражания. Например, известно, что под влиянием некоторых видов грузинской керамической продукции создавались образцы художественной керамики в соседних странах. Таким образом, Грузия, осваивавшая некоторые элементы мусульманской культуры, со своей стороны также оказывала на нее воздействие²⁰. Слияние этих двух культур отчетливо прослеживается на памятниках Квемо Картли XI — XIII вв. /

Процесс освоения мусульманской культуры в Грузии продолжался и в дальнейшее время. Но происходивший на совершенно иной основе (на основе вражеских нашествий, а не культурно-экономических отношений), он влек за собой противоположные последствия.

¹⁸ Картлис Цховреба (История Грузии), грузинский текст, т. I, Тб., 1955, с. 312.

¹⁹ Там же, с. 317.

²⁰ О взаимоотношении Грузии с мусульманскими странами в XI—XIII вв. см. Л. Чилашвили, Города феодальной Грузии, II, Тб., 1970, с. 143—168 (на груз. яз.).

ГЛАВА IV

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Политический, экономический и культурный кризис, перенесенный Грузией в позднем средневековье, проявлялся, можно сказать, в наивысшей мере в Квемо Картли. В XIII, XIV и XV вв. вследствие нашествия монголов, а затем Тамерлана ч тюрок кара и ак-коюнлу большая часть коренного населения была истреблена. Опустошенные земли заселялись завоевателями, в результате чего мусульманское население значительно увеличивалось. В XIV—XV вв. Грузия одну за другой теряла свои территории. Так, например, известно, что в это время от нее были отторгнуты Лоре, Хачен и другие важные провинции.

Со второго десятилетия XV в. Грузия попадает в благоприятные внешние условия. Воспользовавшись этим, царь Александр I в 1431 г. возвращает себе долину Лоре и другие плодородные грузинские земли. В это же время с целью восстановления хозяйства страны проводится ряд важных мер. Но в условиях крайнего упадка страны эти меры оказались недостаточными.

В XVI в. экономическое положение страны опять ухудшается. Упадок хозяйства влечет за собой уменьшение производителей и более того: оставляя земли, они переселяются в другие места. В XVI в. в Квемо Картли осталась только треть населения, а в 60-е годы восточная ее часть окончательно была опустошена. Судя по документам этого времени, большую часть населения составляли т. н. татары, под именем которых грузинские источники порразумевают мусульман тюрко-иранского происхождения. Сошлемся для примера на документ по поводу раздела семьи Бараташвили. Судя по нему, в Дманиси они имели крепостных: 28 татар, 19 армян и только 7 грузин. Такие примеры не единичны.

Начиная с 30-х годов XVII в. в Картли наблюдаются признаки улучшения экономических условий. В последующем Квемо Картли восстанавливает разрушенное хозяйство. Так, например, в поместьях крупного княжества Капланишвили в 60—70-х гг. более 60 деревень вновь заселяются.

В XVIII в. Грузия опять попадает во враждебное ей окружение. Пользуясь этим, лезгины в 1-й половине этого века производят беспрерывные набеги, вконец разграбляя и опустошая страну.

С 1723 г. в Грузии начинается тяжелое время господства османо-турок. На время восстановленное сельское хозяйство и городская жизнь вновь подвергаются упадку. С 1735 г. в Картли господствуют

кизилбashi, которые подвергали население самой тяжелой эксплуатации, в результате чего наступил окончательный упадок в хозяйстве. Население, оставив земли, бежало, страна опустошилась. Если в 20-х годах XVIII в. в Квемо Картли насчитывалось более 40 тысяч жителей, то спустя 20—30 лет оно почти совсем исчезло. Тяжелую картину опустошения Картли очисывает историк Папуна Орбелиани: «В хоро- никон 1757 княжество Бараташвили опустело, ...нигде не осталось строений в этом крае»¹.

Эти тяжелые времена с незначительными передышками отразились в памятниках материальной культуры Квемо Картли позднего средневековья.

1. УСАДЬБА САМТРЕДО

Усадьба Самтредо, или Бабилашени, принадлежала знатному дому феодалов Зурабишвили (родоначальником которого считается воевода Зураб Бараташвили)². Она расположена вблизи от с. Казрети справа от дороги, следующей из Казрети к Маднеульскому карьеру, на левом берегу речки Казретула, напротив Испианской церкви.

Дворцовый комплекс содержит остатки одного кирпичного и одного двухэтажного каменного дворца со службами, пристроенными с одной стороны обоих зданий, марани, расположенный на определенном расстоянии под открытым небом, и дворцовую церковь. Двухэтажный дворец, возведенный каменной кладкой на извести, состоит из двух обширных залов. От переднего, северного зала сохранились южная стена, общая со вторым залом, и части восточной и западной стен. В верхней части уцелевшей южной стены виднеются следы переделок, производимых, по-видимому, во второй период строительства усадьбы. В этой же стене прорезана ведущая в другой зал арочная дверь, полу-круглой формы, с другой стороны — с деревянным архитравом и плоским перекрытием. Нишами разных размеров снабжены стены обоих залов. Так как дворец расположен на склоне, то южная часть второго зала находится в земле. Следовательно, на первом этаже не было окон. На втором этаже сохранена лишь северная стена с большими четырехугольными проемами, заполненными кладкой иного характера, чем все здание. К этой стене на второй этаж ведет широкоступенчатая лестница, следующая вдоль западной стены первого зала. Возможно, здесь находилась открытая с северной стороны глубокая лоджия или же «аивани» — балкон, открытый с трех или двух сторон.

Экспедицией были очищены оба помещения. В заднем зале на уровне обмазанного глиной пола в центре обнаружен был каменный очаг размером 2,4×2 м и четыре базы столбов, обнаруженных на полу в виде обугленных кусков дерева. По этим находкам можно предполагать, что зал представлял собой типичный «дарбази» с центральным очагом и деревянными столбами (табл. XXII). В восточной стене переднего зала был очищен камин, высеченный в цельном камне.

На полу обеих комнат было обнаружено немалое количество простой керамики в виде обломков кувшинов с широкими ручками, окрашенных в красный цвет, краснолощенных средних и малых размеров

¹ Папуна Орбелиани, История, с. 398 (на груз. яз.).

² Г. Джамбурия, Из истории феодальных отношений Грузин (Сатавадо сеньории Сомхит-Сабартиано), Тб., 1955, с. 58 (на груз. яз.).

кувшинов, мисок и тарелок, обожженных в черный и сероватый цвет, светильников и кружек с ручками, поднимающимися над краями сосуда, и в малом количестве глазурованные с двух сторон в разные цвета и фаянсовые сосуды, находящие себе аналогии в материалах позднего средневековья Карагачи, Телави, Тбилисской крепости пр.³.

Недалеко от вышеописанного дворца обнаружено было заваленное землей кирпичное здание. Было расчищено три зала: один (находившийся посередине) размером 11×6 м и два по сторонам его, расположенных симметрично с одинаковой планировкой профилированных ниш, окон и дверных проемов размером $6,4 \times 7,6$ м. Ниши во всех комнатах были оштукатурены известью, проемы окон и дверей облицованы особой кладкой кирпича и камня. Возле ниш и дверей был обнаружен покрытый кирпичом пол.

К восточной стене здания снаружи пристроен сооруженный из камня широкий и длинный коридор. В нем устроен камин. Между коридором и кирпичным зданием глухая стена; и для того, чтобы попасть в один из них, нужно, обойдя стену, пройти через находившуюся на северном крыле здания комнату, смежную для двух помещений.

С восточной и западной стороны это здание имеет еще по одной почти квадратной комнате, пространство же, остающееся между ними, по-видимому, занимала лоджия, открытая с северной стороны. Отсюда открывается прекрасный вид на ущелье реки Казретула с Испианской церковью вдали.

— Обнаруженный материал содержит керамику, главным образом, поливную и простую неполивную посуду каждого дня обихода (табл. XV). Обращают на себя внимание обломки фаянса с тусклым синим рисунком, изображающим растительный орнамент или птиц и животных (табл. XVI). По этому материалу, а также по поливной и простой керамике здание предварительно можно датировать II половиной XVII—XVIII вв. Возможно на более позднее время указывает кирпич с выцарапанным (до обжига) на нем торсом женщины. Изображение свидетельствует о знакомстве с европейским искусством. —

Церковь представляет собой однонефное сооружение зального типа, площадь которой $6 \times 1,5$ м. Она выстроена из рваного камня и местами облицована тесанным камнем. Стены сохранены на высоте 1,5—2 м, свод обрушен, вход с юга.

Интерьер церкви и внешние ее стены были очищены от земли и обвалившихся камней, достигающих в некоторых местах (в интерьере у восточной и с обеих сторон у западной стены) 1,5 м. В результате раскопок уточнились детали ее плана, конструктивные и декоративные особенности.

Абсида церкви, выделенная от остального интерьера двумя пилястрами, обведена вокруг сооруженным из камня и кирпича карнизом. В стенах ее, по обе стороны алтаря имеется по одной нише. В центральной части абсиды, под центральным окном, стоит четырехугольный, сужающийся книзу, каменный алтарь, поверхность которого 53×47 см, высота же 0,9 см. Он высечен в камне, не совсем ровно.

³ Материал находится в процессе изучения. При предварительной датировке мы исходили из работ: Т. Д. Арчадзе, «Лингобированная посуда из Тбилисской цитадели», М. Н. Мицишвили, «Поливная керамика из раскопок Тбилисской крепости», Н. Мамаяшвили, «Фаянс Тбилисской цитадели», Ц. Н. Чикойдзе, «Город Телави в позднефеодальную эпоху» в сборнике «Археологические памятники феодальной Грузии», II, Тб., 1974 (на груз. яз.).

В западной части церкви были очищены дверь и по одной ступени снаружи и изнутри, выложенные тесаными камнями. В центральной части, после очистки ее от груды камней и земли, были обнаружены тесаные камни от арок обвалившегося свода, уложенного на полу церкви в один ряд по порядку семь штук и остальные шесть разбросанные на разной глубине. Тут же была обнаружена капитель, упавшая с южной стены подпружной арки.

В юго-западном углу церкви находилась четырехугольная облицованная кирпичом в два ряда ниша (65×65 см). По форме ее и закопченным стенам можно предположить, что она представляла собой часть камина, устроенного здесь после разрушения церкви.

Вдоль фасадов церкви был проведен раскоп шириной в 1 м. На глубине 30 см был выявлен карниз из грубо тесаного камня. У восточного и западного фасада были найдены тесаные камни от облицовки дверей и окон. На двух из них, принадлежащих западной двери, вырезаны кресты с расширенными на концах рукавами.

— Обнаруженный во время раскопок археологический материал датируется поздним средневековьем; это — простая и поливная посуда: сосуды кухонного и хозяйственного назначения, обломки больших кувшинов (кверви), предназначенных для хранения вина, простых столовых кувшинов и кувшинчиков, горшков и др., а также несколько обломков стеклянных и фаянсовых изделий. Следует отметить один из них с синим рисунком и обведенной по контуру черной линией, относящийся к иранским изделиям рубежа XVII—XVIII вв.

Внутри церкви — в центральной ее части выше уровня пола на 0,5 м — была обнаружена хорошо сохранившаяся железная соха типа «джилга», которая была широко распространена в позднем средневековье во всей Квемо Картли. По-видимому, она попала сюда после разрушения памятника.

Из стеклянных изделий обращает на себя внимание часть белового стакана — чаши с фиолетовым оттенком. Стенки сосуда украшены круглыми выемками — фацетами. По орнаменту и частично по форме этот сосуд находит себе аналогии в материалах раннефеодального времени. От последних он отличается главным образом материалом и техникой изготовления (стенки стакана намного более тонкие и гладкие, чем раннесредневековых образцов). Не имея к нему аналогий из позднесредневековых материалов, мы тем не менее склонны датировать казретский стакан именно этим временем⁴. Возможно, наше убеждение основано и на том, что, как мы заметили на примере керамики, в позднее средневековье повторяются формы и орнаменты сосудов, создаваемых в раннее средневековье.

Таким образом, по обнаруженному материалу церковь относится к XVII—началу XVIII в., как этого и следовало ожидать по имевшейся на одной из дверей, но впоследствии исчезнувшей дате надписи (1697 г.), изданной Е. Такаишвили⁵. На эту же дату указывают и тип сооружения и конструктивные особенности, и декоративное оформле-

⁴ Однако у восточного фасада был выявлен материал XI—XIII вв.: глазурованная полихромная керамика и обломки стеклянного браслета, что вместе с аналогичными находками на всей территории поместья свидетельствует о том, что местность Самтредо была заселена до позднего средневековья, а именно в XI—XIII вв.

⁵ Е. Такаишвили, Надписи памятников Сомхит-Саорбело, часть II, Труды Тбилисского Гос. ун-та, 43, 1951, с. 168 (на груз. яз.).

ние. Все это характерно и для других церквей XVII—XVIII вв. Квемо Картли.

К востоку от дворца находится несколько строений на каменной кладке, представляющих, по-видимому, служебные помещения. Ближайшее к дворцу помещение размером $6,1 \times 5$ м имеет вход как со стороны заднего зала дворца, так и с переднего. По обнаруженному в нем множеству обломков кухонной посуды, можно предполагать, что оно являлось кухней дворца.

Следующее строение состоит из двух частей-отделений и снабжено камином со стрельчатой аркой из тесаного камня. Задняя комната, как и зал дворца, упирается в склон таким образом, что его задняя, северная, сторона находится полностью в земле. Передняя комната имеет только три стены — с одной стороны она была, по-видимому, открыта в виде «дерепани». В этом помещении на уровне пола обнаружены были врытые в землю два винных кувшина, в одном из них находились обломки окрашенного в красный цвет кувшина. В задней комнате найдены части от таких же кувшинов, мисок и тарелок и от поливных и фаянсовых сосудов. Следует отметить, что в этом помещении преобладают столовая посуда и кувшины. По этим находкам можно заключить, что помещение имело дополнительное к дворцу жилое назначение. По-видимому, помещение имело плоское перекрытие («бани») и, наряду с дворцом и кухней, находилось на средней террасе всего поселения. Над ней, на верхней террасе, обнаружены помещения под открытым небом врытые в землю большие винные кувшины и ямы для хранения зерна, имеющие доступ с плоской крыши помещения нижней террасы. Дальше к востоку находится винный погреб — «марани». Раскопками, произведенными на площади марани, выявлены двенадцать кувшинов и остатки стен с трех сторон (задняя стена упирается в склон). Таким образом, здесь засвидетельствован полуоткрытый марани⁶.

Дальше к востоку на склоне к оврагу обнаружено было большое количество наваленного шлака. Здесь же виднелись остатки какого-то строения со стенами, возведенными на камне с известковым раствором. В результате раскопок очистилось почти квадратное помещение размером $7 \times 7,1$ м. Посередине восточной стены в сводчатой нише устроен камин, по обеим сторонам которого в стене прорезаны облицованные кирпичом маленькие квадратные выемки для установки светильников. В этой же стене симметрично от камина прорезаны две четырехугольные ниши. В этой стене находится одна но большего размера ниша (по этнографическим данным, обычно предназначенная для хранения постели). Помещение имеет вход с северного и северо-восточного угла.

В центре помещения на уровне пола обнаружена была железоплавильная печь с четырехугольной каменной обжигательной камерой и горном. Над горном на уровне края камеры находилась выложенная тремя рядами кирпича площадка. Обжигательная камера была полна остатками пережженной в порошок руды, около горна находились куски шлака.

К печи подсоединены керамические трубы, одной линией выходя-

⁶ Этот тип марани обнаружен и на других памятниках Грузии, см. например, работу А. В. Бочачадзе, «Виноградарство и виноделие в древней Грузии по археологическим материалам с древнейших времен до XII—XIII вв. н. э.» (Тб., 1963, на груз. яз.).

щие к востоку под камин и другой отходящие к западу через стену за пределы помещения. Восточная линия уцелела наполовину; со стороны печи она не сохранена, но по уровню труб видно, что место ее соединения находилось у края печи. Вторая линия труб находится намного ниже, на уровне горна и имеет наклон к стене.

В помещении обнаружены вырытые в полу две ямы, а также каменные площадки и наковальни, служившие для размельчения руды, обкочивания и ковки крицы. Возле печи обнаружена сооруженная камнем и обломками больших керамических сосудов еще одна обжигательная камера. Ее расчистка, как и раскопки всей площади, не завершена. Из археологического материала, в целом идентичного с остальным, обнаружены в помещениях дворца, привлекает внимание керамическое сопло и железный точильный нож для пилы на цепочке.

Плавка металла в Самтредо, как и в других памятниках средневековой Грузии, очевидно, происходила сыротутным способом. Руда, обжигаемая здесь, как считают Г. Гзелишвили и вслед за ним ряд специалистов, представляла собой гематит, добывание которого производилось в скрепостях Демир-Даги (железная гора)⁷. Действительно, эти месторождения находятся недалеко от Казрети, но вероятнее, что в Самтредо, как и в Казрети, использовалась руда из более близких казретских месторождений.

Сравнивая железоплавильную мастерскую Самтредо с аналогичными памятниками средневековой Грузии (Ркинис-шкали, Чатахи, Дзели Богви и пр.)⁸, можно заметить, что первая сложнее и, возможно, совершеннее остальных. Но пока раскопки не завершены и неразрешенными остаются многие вопросы, касающиеся выплавки руды, судить об этом мы не беремся.

Наконец, следует отметить, что сам факт наличия железоплавильной мастерской в усадьбе Самтредо в историческом отношении весьма важен. Наряду с другими данными, он указывает на обширность масштабов и разнообразность хозяйства, производимого в поместьях князей Квемо Картли.

На большие масштабы хозяйства в этих княжествах указывает также засвидетельствованный нами в с. Баличи оросительный канал. Как отмечается в документе XIX в., составленном Александром Джамбакур-Орбелиани, канал, берущий воды от р. Машавери, начинался с земель Абулмуги и кончался в Самтредо; его длина составляла от 30 до 40 верст, им орошались многие земли, в том числе и большой виноградник («мзвари») самого Эрасти⁹.

2. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

а) Мавзолеи

В позднем средневековье некрополи (и отдельные погребения) Квемо Картли отражают картину смены населения. Здесь встречаются разновидные грузинские, армянские, тюркские и др. погребения.

⁷ И. Гзелишвили, Дж. Амиранашвили, Г. Насидзе, Основные результаты Маднеульской археологической экспедиции 1966 г., с. 84.

⁸ И. А. Гзелишвили, Железоплавильное дело в Древней Грузии, Тб., 1964, с. 61—80.

⁹ Фонд Института Рукописей Н-2490. Проведение канала А. Србелиани приписывают Эрасти Мдиванбегу, который упоминается и в надписи церкви Давид-Гареджи (близ с. Казрети) 1709 г., опубликованной Е. Такайшвили.

Среди мусульманских погребений привлекают внимание отдельные погребения в виде надгробных плит и камней с надписями и целые сооружения, устроенные над могилами — мавзолеи. Как известно, мавзолеи являются погребальными памятниками мусульманского населения. В них обычно хоронили представителей знатных родов.

В Квемо Картли имеется несколько мавзолеев: три на городище Дманиси, один в с. Баличи и один недавно обнаружен в Шаумянском районе археологической экспедицией Квемо Картли Гос. музея Грузии.

Городище Дманиси, как известно, находится к юго-западу от Тбилиси, в 80 км от него, на высоком мысу, расположенному у слияния рек Машавери и Пинезаури. Поблизости, на левом берегу р. Пинезаури, примерно такую же площадь, как и само городище, занимает городское кладбище. Тут вместе с другими погребениями сохранилось три мавзолея¹⁰. Один стоит на северо-восточном участке кладбища, у дороги, ведущей в город. Он сооружен из рваного камня на извести, стены толстые, достигающие 0,9 м. В плане мавзолей квадратный, перекрытый возведенным на стрельчатых тромпах куполом таким образом, что более половины всей высоты здания занимает купол (высота мавзолея 5,95 м, высота купола 3,15 м). Купол сооружен плоскими камнями. Мавзолей имеет вход с востока, два окна — с севера и юга. Над входом в стене виднеется гнездо для вставки камня, вероятно, с надписью.

Второй мавзолей, почти осевший в землю, находится на юго-восточной части кладбища. Он был расчищен в 1970 г. вместе с площадью, находящейся вокруг него. Внутри стены мавзолея оказались оштукатуренными. В плане квадратная площадь перекрывалась посредством стрельчатых тромп куполом. Вход в мавзолей был прорезан с востока, через коридор, ведущий в другое помещение, замкнутое в круг остатками стен. На этой площади было обнаружено несколько каменных надгробий с арабскими надписями, относящимися к XIV в.

Третий мавзолей стоит на вершине склона к западу от городища. В отличие от первых двух от возведен кирпичом на известковом растворе. В плане мавзолей квадратный ($3,85 \times 3,85$ м), перекрыт куполом, возведенным на тромпах-парусах. Они маленькие, глубокие. Высота купола составляет 2,55 м, тогда как всего здания 6,25 м. Вход в мавзолей с восточной стороны; с четырех сторон имеются перекрытые арками маленькие окна; стены внутри оштукатурены. В результате раскопок под полом обнаружена погребальная камера, сооруженная в виде длинного ящика из кирпича на извести. Этот мавзолей, стоящий на возвышении отдельно от других сооружений, возведенный на нешироком квадрате с в меру высоким куполом, имеет весьма интересные пропорции, как бы устремлен вверх.

К югу от с. Баличи на возвышенном холме с оголенными скалами меловых пород стоит квадратное сооружение из камня, опирающееся на более широкое квадратное основание (табл. XXIV). Верхний этаж с четырех сторон имеет широкие арочные проемы с возведенным над ним куполом, опирающимся на тромпы. Вход в мавзолей с нижнего этажа расположен на восточной стороне. Над ним сохранилось гнездо от камня, вероятно, имевшего надпись (или же орнамент). По аналогичным архитектурным сооружениям Средней Азии, например, одного из наиболее ранних мавзолеев из Самарканда, Баличский мавзолей следует датировать XIV—XV вв.

¹⁰ Л. Мусхелишвили, Дманиси, рис. 76, 77.

б) Надгробия в виде скульптур баранов и лошадей

В позднем средневековье скульптуры баранов и лошадей — один из распространенных типов надгробий в Квемо Картли.

В Болниском районе они встречаются главным образом в северо-западной и западной частях ее территории, граничащих с Цалкой, Месхет-Джавахети и территориально близких с Арменией.

Напротив с. Баличи, справа от шоссейной дороги, следующей из Тбилиси, находится покинутая населением местность Абулбуги//Абулмуги. По описанию историка XVIII в. царевича Вахушти, здесь добывались железо, медь и бирюза¹¹. В Абулбуги сохранилась церковь и остатки нескольких сооружений, среди них баня, раскопки которой начаты Арахло-Казретской экспедицией в 1975 г.

Выше, в ущелье, называемом Вахушти Хинцис-Хеви, на левом берегу, близ фермы, на открытом месте стояли скульптуры двух баранов и одной лошади, перевезенные археологом В. Джапаридзе в Тбилиси (Скульптуры баранов из Абулбуги теперь стоят на проспекте Руставели).

Все три скульптуры вырезаны в цельном камне базальта. Из двух баранов один большой и в сравнении со вторым более плоскостно моделирован. Его фигура не детализирована. Рельефом выделены лишь глаза, рога, ошейник, а также курдюк с коротким хвостом.

У второй скульптуры голова отбита. На сохранившейся ее части рельефной спиралью передан рог с маленьким листвообразным ушком. В цельном камне высечены также хвост и ноги барана. Вдоль спины вырезан сложный геометрический рисунок. На боках с двух сторон имеются рельефные изображения. На одном в центре высечены фигура мужчины в высокой шапке, с левой стороны его ножницы для стрижки овец, коса и посох. Между раскрытых ножниц — маленький сосуд с круглым туловом и высоким горлом. С правой стороны изображены: баран или коза, ружье и квадратный предмет между ними, воспроизводящий чесалку (табл. XXIV).

На другом боку скульптуры, начиная с шеи, изображены: кувшин с трехлистным венчиком, рог для питья вина, затем на площади, отгороженной прямой линией, подбоченившийся мужчина. На правой стороне его гребень и чесалка, на левой — лошадь в седле с уздечкой ворту, под головой лошади стоит круглый сосуд.

Легко заключить, что на рельефах барана изображены пастухи с предметами, характерными для их уклада жизни, такими, как ножницы для стрижки овец, посох, коса и др.

Лошадь, так же как и бараны, высечена в цельном камне. Большая часть скульптуры повреждена. Во рту у лошади уздечка, она оседлана легким седлом. На одном боку низким рельефом изображен ремень, спускающийся с седла, сквозь который прорвется топор. Под топором находится ружье, а между этими рельефами — уздечкой под грудью лошади — наконечник копья или клинок.

Изображение барана на грузинских памятниках искусства — широко распространенный сюжет во все времена и эпохи. В средневековье он связывается с христианской религией, в IX—X вв. его скульптурные изображения встречаются в интерьере церквей на хребтах алтаря, например, в Вале, Атени, Кинцвиси и др.

¹¹ Вахушти, История Грузии (Картлис Цховреба), т. IV, с. 315.

Использование в искусстве названного сюжета грузинским народом, для которого скотоводство, и в частности овцеводство, являлось одной из основных отраслей хозяйства, нам представляется вполне естественным. Тем не менее воздвигнутые на кладбищах в определенное время и на определенной территории скульптуры баранов и лошадей, по нашему мнению, следует рассматривать не обособленно для Грузии, а в связи с аналогичными памятниками, встречающимися и в других странах.

По мнению проф. Г. Читая, занимавшегося изучением этих памятников в 1925 г. в районах Тетри-Цкаро и Цалка, для выяснения вопроса об их происхождении следует изучить ареал их распространения как в Грузии, так и в соседних с ней странах. «К сожалению, — пишет Читая, — до сегодняшнего дня у нас не имеется ни их регистрации, ни их описания»¹².

В Грузии таких скульптур много. Они встречаются в основном в Квемо Картли, Триалети и Месхети. В Квемо Картли они занимают иногда целое кладбище. Г. Читая засвидетельствовал такие памятники в Самшвилде, Ксоврети, Ваке, Большом Дагети, Ташбате и в др. местах. Такие же памятники были обнаружены в 1924 г. в Кваблианском ущелье (Месхети)¹³.

К перечню этих скульптур, известных из Квемо Картли, мы можем добавить еще несколько из Болниского и Дманинского районов. В первом они находятся в селах Акаурта — один, Квевши — три, Абулбуги — три; во втором — в Орозмани, Хамамло, Патара Дманиси, Текенеби и в др.

— Эти памятники вне Грузии известны в Армении и Азербайджане, а также в Северном Иране, Ираке и Турции. В научной литературе зарубежных стран эти скульптуры, обычно связывают с тюркскими племенами и в большинстве случаев считают их погребальными памятниками племени кара-койнлу.

Как известно, кара и ак-коюнлу (две племени тюрков), в XIII в. кочевавшие в Диабекире, Азербайджане и частично в Ираке, были приемниками тюрков Средней Азии. В начале XV в. в кара-коюнлу воспользовавшись ослаблением Тимуридов, создали государство, в состав которого вошли Азербайджан (южная часть по р. Куре), Армения, Курдистан и Арабский Иран. Столицей этого государства стал Тебриз.

Образование сильного государства тюркских племен для Грузии имело тяжелые последствия. Ослабленная нашествиями Тимура в 1386—1403 гг., страна с разрушенным хозяйством оказалась совершенно бессильной перед нахлынувшими тюрками. В борьбе с тюрками Грузия понесла большой ущерб: коренное население было истреблено, два грузинских царя Георгий VI в 1407 г. и Константин в 1411 г. пали на поле битвы.

В XIV—XV вв. Грузия окончательно лишилась соседних христианских стран — Армении и Албании. В целом ряде грузинских районов землевладельцами стали тюрки.

Обратимся к датировке названных скульптур. В последнее время в грузинской научной литературе эти памятники неоднократно дати-

¹² Г. Читая, Могильные камни Питарети и Гударехи, Вестник Гос. Музея Грузии, т. III, Тб., 1926—1927, с. 109.

¹³ Там же.

руются XI—XIII вв. Но изучив все надгробия этого типа, указанные в научной литературе, а также хранящиеся в Гос. Музее Грузии, в Музее искусств Грузии, и большинство памятников на местах (в южных районах Грузии), мы убедились, что их массовое появление датируется началом XV в. Следует отметить, что и Г. Читая датой этих памятников *tempus ante quem* поп считает XV в. (основываясь на совсем иных доказательствах).

Что же касается даты бытования надгробных скульптур, то ее возможно установить по изображениям и надписям, имеющимся на этих памятниках. Вероятно, предложенная проф. Г. Читая в качестве рабочей гипотезы даты XV—XVIII вв. окажется не лишней основания. Но следует учесть, что надписи и изображения на этих скульптурах могли быть сделаны и позже — во время вторичного применения памятника. «Трудно представить, — как пишет по одному такому случаю Л. Мусхелишвили, — чтобы подобный дорогостоящий памятник могло поставить обнищавшее население XVII—XVIII вв.¹⁴.

По нашему мнению, для выяснения верхней даты этих надгробий следует учесть армянские памятники, на которых, как правило, имеются синхронные даты. Просмотрев весь этот материал, можно убедиться, что скульптурные надгробия сделаны не позднее XVII в.

Таким образом как сами скульптуры, так и изображенные на них предметы характерны для тюрков кочевников. Дата распространения этих памятников совпадает с датой появления тюрков и, наоборот, дата их прекращения связывается с датой изгнания тюрок из Грузии. Географический ареал, сохранивший эти скульптуры, — это территория, на которой кочевали тюроки племен кара и ак-коюнлу.

Таким образом, можно заключить, что надгробия в виде баранов и лошадей являются памятниками тюркских племен и лишь во вторичных случаях были использованы грузинским населением. Что же касается армянских памятников этого типа, то они являются принадлежностью так называемых кара-армян, в большинстве впоследствии вернувшихся в христианство. —

в) Могильные плиты и камни с рельефными и контурными изображениями

К позднефодальному времени относится часть могильных камней с рельефами и плиты с контурными изображениями. Такие надгробные камни и плиты в большом количестве встречаются вокруг церквей, на сельских кладбищах в различных местах Грузии, и в том числе и в Квемо Картли. Несмотря на широкое их распространение, эти погребения специально почти не изучались.

Датировка этих камней в большинстве случаев была упрощена тем, что на них имелись надписи, а в некоторых случаях — и изображения того или иного предмета, бытующего в определенное время. Таким образом, было как бы очевидно, что большинство этих камней от-

¹⁴ Дж. Амираиашвили, Ук. соч. с. 21; Р. Кекелидзе, надгробные плиты с Алгетского ущелья, Жур. «Дзеглис Мегобари», 34, Тб., 1974, с. 30—33; З. Майсурадзе, Каменные страницы истории, жур. «Дзеглис Мегобари», 20, Тб., 1970, с. 69.

¹⁵ Л. Мусхелишвили, Дманиси, с. 397.

носится к позднему средневековью (напр., надгробие с изображением плуга позднего типа, ружья и т. д.). Но в результате более углубленного изучения этих памятников выяснилось, что многие из них относятся к более раннему времени, чем позднее средневековье. С этой точки зрения следует привести мнение Р. Шмерлинг, считавшей, что надгробия на кладбищах Адзикви и Бза являются одними из ранних памятников средневековья¹⁶. Действительно, эта группа надгробных камней с монументальными и вместе с тем со сдержанными украшениями резко отличается от указанных рельефов, распространенных в позднее время.

Один массивный камень с рельефным изображением лука и круглого предмета — ядра обнаружен, как было отмечено выше, в Арахло (табл. VIII). Он покрывал погребение, пристроенное с внешней стороны к южной стене полуразрушенной церкви. Под этим погребением находились другие погребения с инвентарным материалом — бусами и стеклянными браслетами. Погребения представляли собой главным образом каменные ящики, сложенные из мелких камней. В большинстве случаев они были разрушены верхними погребениями. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что они были ориентированы на восток, головой к западу; покойники лежали в них на спине в вытянутом положении. По составу инвентаря нижние погребения датируются не позднее развитого средневековья. По стратиграфическим данным они синхронны постройке церкви и датируются XII—XIII вв., тогда как погребения, устроенные над ними на уровне разрушенной церкви, относятся к более позднему времени, во всяком случае ко времени после XIII в.

Аналогичные изображения с луком и ядром в Квемо Картли встречаются и в других местах. Одно такое надгробие обнаружено близ Манглиси на кладбище Адзикви и Гохнари. Тут вместе с луком и ядром изображен длинный предмет с утолщенной головкой. З. Майсурадзе считает, что он передает дубину с тяжелой железной головкой. По его же датировке эти надгробия относятся к XI в. Но, как было сказано выше, стратиграфические данные Арахло эту дату ставят под сомнение.

Точно определить дату этих погребений пока что не имеется возможности. Можно лишь заключить, что одна часть каменных надгробий с рельефными изображениями относится ко времени позднее XIII в.

Несомненно к более позднему времени относится находящийся в с. Кианети на кладбище старой однонефной церкви надгробный камень с низким рельефом, изображающим мужчину, играющего на трехструнном инструменте¹⁷. Мужчина одет в узкое в талии платье, расширяющееся книзу, сапоги на каблуках и венком на голове. С одной его стороны изображены сабля со щитом, с другой — ядро. Л. Мусхелишвили по аналогичному рельефу из Кодух-Ванки (Армения) датирует этот рельеф XVI в. По его мнению, эту дату подтверждает также надпись XVI в. (1516 г.), имеющаяся на церкви того же кладбища.

Изображения подобных человеческих фигур, одетых в такую же одежду, с венком на голове и с предметами обихода, однако выпол-

¹⁶ Рене Шмерлинг, Архитектурные памятники района древних селений Адзикви и Бза, «Макне», 2, 1969.

¹⁷ Л. Мусхелишвили, Археологические экскурсии в долине реки Машавери, тб., 1941, табл. VII (на груз. яз.).

ненных в иной технике — вырезом контура, изображения встречаются на надгробных плитах кладбищ, Картли, например около городища Дманиси на двух кладбищах — Капара-Сопели и Патара Насоплари. Нами и В. Артилаква засвидетельствовано более десятка подобных погребений в Дманисском районе. Один такой камень находится в Укангори у церкви Квинчхиани, есть подобные надгробные камни также в с. Мушевани, Хожорни и в других местах.

Наряду с человеческими изображениями, на надгробных камнях встречаются также изображения плуга, арбы, лошади, барана и других предметов, связанных с деятельностью усопших при их жизни¹⁸.

В позднем средневековье на надгробных камнях Картли, как и во всей Грузии, появляются надписи, выполненные древнегрузинским письмом «асомтаврули» и современным «мхедрули». В XVII—XVIII вв. они распространяются широко, применяясь как на могилах высших, так и низших слоев общества.

Надписи на могильных камнях указывают на пробуждение национального самосознания, которое наблюдается и в различных отраслях культуры, проявляясь в искусстве возвращением к традиционным темам и способам их выражения, в ремесленном производстве — повторением художественных форм и техники раннего средневековья.

M. SINAEOURIDZÉ

LES RÉSULTATS D'EXPLORATION ARCHÉOLOGIQUE DANS LA RÉGION DE BOLNISSE

Résumé

En 1969—1977 la mission de Musée de Géorgie de l'Académie des Sciences a entrepris des fouilles et des recherches archéologiques dans la région de Bolnissi.

Les principaux objets des fouilles furent: 1. Les environs de la nouvelle ville Madnéouli, 2. La trace de canal d'irrigation de Khrami.

1. Les plus anciennes matériaux archéologiques observés à Madnedates du III millénaire av. n. ère, se trouvent sous une nécropole de l'âge du bronze et du fer.

La parenté du rite d'enterrement et des objets funéraires de ses tombes avec d'autres découverts en Géorgie, Azerbaïdjan et Arménie permet de la dater du VII—VI siècles av. n. ère.

¹⁸ См. например, Г. Джабадзе, Гутнишеда («мать плуга») — из Чивчава, Жур. «Дзеглис Мегобари», 20, Тб., 1970, с. 31—33, 36—37.

Les couches levées au carrière et dans la ville contiennent les vestiges d'antiquité une cruche en bronze à décor gravé représentant une scène mythologique de danse, une gemme romaine, une clochette en bronze et c.

Dans Les environs de la ville était déblayés les monuments du moyen âge: des églises, forteresses, cimetières. Parmi les que les se détache l'ensemble de châteaux „Samredo“ du XVII—XVIII siècles, Il faut mentionner les trouvailles des stèle et des croix en pierre sculptée du début de VI—VII siècles, d'un sarcophage de pierre avec l'inscription géorgienne du VI siècle, des objets de l'or d'une valeur artistique, d'une intaille représentant un aigle etc.

2. Sur la trace de canal d'irrigation étaient exploreés les ruines des forteresses d'Arakhlo et de Kotshoulo. La forteresse d'Arakhlo est située sur la roche dressée au bord de la rive de Khrami. Son enceinte ses églises construites en pierre avec des voûtes des briques, ainsi que la céramique vernissée et non-vernisée, les objets de verre, de bronze et de fer, les monnaies datent la forteresse du XI—XIII et du commencement du XIV siècle. Mais la céramique de l'age de bronze et du fer, une flèche de bronze de type „scythe“ et les murailles, construites en grosses pierres confirment que les anciennes habitations du site appartientent aux VII—VI siècles av. n. ère.

La forteresse de Kotshoulo est située sur un polygone irrégulier, au mi lieu de la colline. Son enceinte avec des tours cylindriques construite en pierre flanquée des briques, embrasse un territoire de 3 hec. où se trouvent les restes de château, des bains, une pièce voûtée etc. Les matériaux archéologiques témoignent de l'essor de la vie dans la forteresse se rapportant aux XI—XII siècles. Au début du XIII siècle, au cours des invasions des Mongols, sa vie active cessa.

L'auteur traite la question d'identification d'Arakhlo avec de Zourtavi et Gatshiani mentionnées par les géographes et historiens du moyen age.

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

Таблица I

Сосуды ранне - и среднебронзового времени из Маднеули.

Таблица II

Погребения позднебронзового времени из Маднеули и каменная насыпь над погребение № 4.

Таблица III

Сосуды из Маднеульских погребений позднебронзового времени.

Таблица IV

Рисунок бронзовой энохони, обнаруженной в Маднеули.

Таблица V

Обнаруженные в Маднеули и в его окрестностях энохоя, стеклянный сосуд, кольцо с изображением птицы и интальо с изображением сцены победы.

Таблица VI

Рельефные камни, колокольчик и керамические предметы, обнаруженные на Маднеульском карьере.

Таблица VII

Стелы и база, обнаруженные в окрестностях Маднеули.

Таблица VIII

1 Раскоп I и трасса оросительного канала в Арахло.

2 Церковь, расчищенная на раскопе I в Арахло.

3 Погребение, обнаруженное у стен церкви.

Таблица IX

1 Золотое кольцо и головка от булавки, обнаруженные в баличском саркофаге.

2 Бронзовые булавки из погребений с. Рачис-убани.

Таблица X

Серьга, стеклянные бусы и браслеты из погребений возле церкви на I раскопе.

Таблица XI—XIII

Полихромная керамика с изображением птиц и животного из поселения Арахло.

Таблица XIV

Поливная керамика из Баличи и Арахло

Таблица XV—XVI

Обломки поливной керамики и фаянсовых сосудов из дворца Самтредо.

Таблица XVII
Общий вид крепости Кучуло.

Таблица XVIII.

- 1 Мост через реку Машавери у крепости Кучуло.
- 2 Каменные ступени, поднимающиеся на возвышенность крепости.

Таблица XIX
Баня, расчищенная в одной из башен.

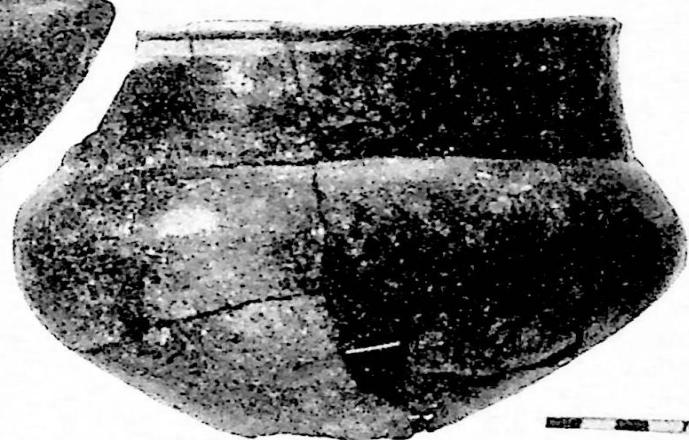
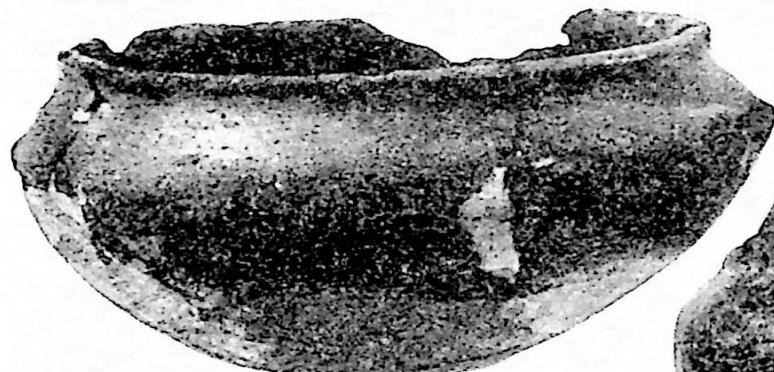
Таблица XX
Деталь бани.

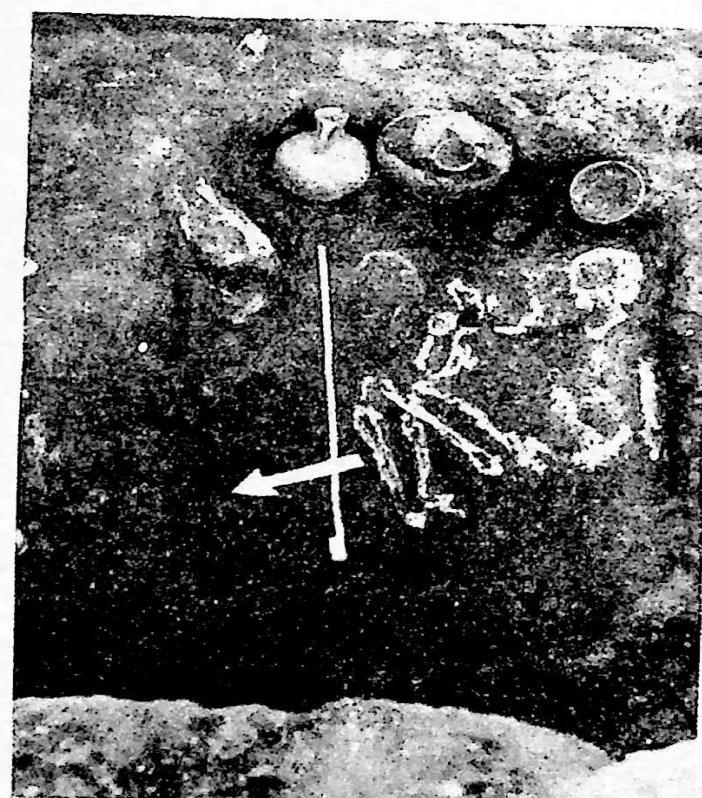
Таблица XXI
Подземное сооружение.

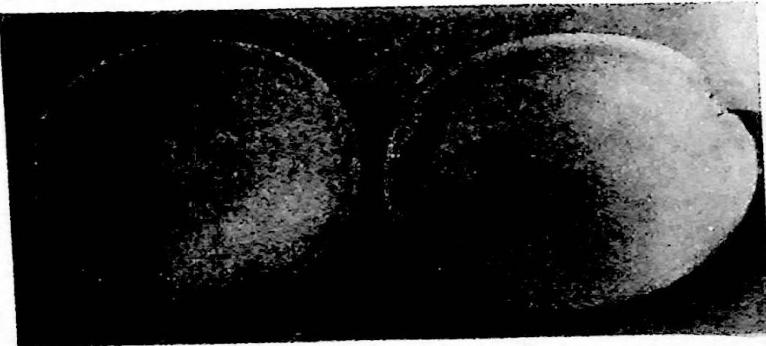
Таблица XXII
Керамика, обнаруженная в Кучуло.

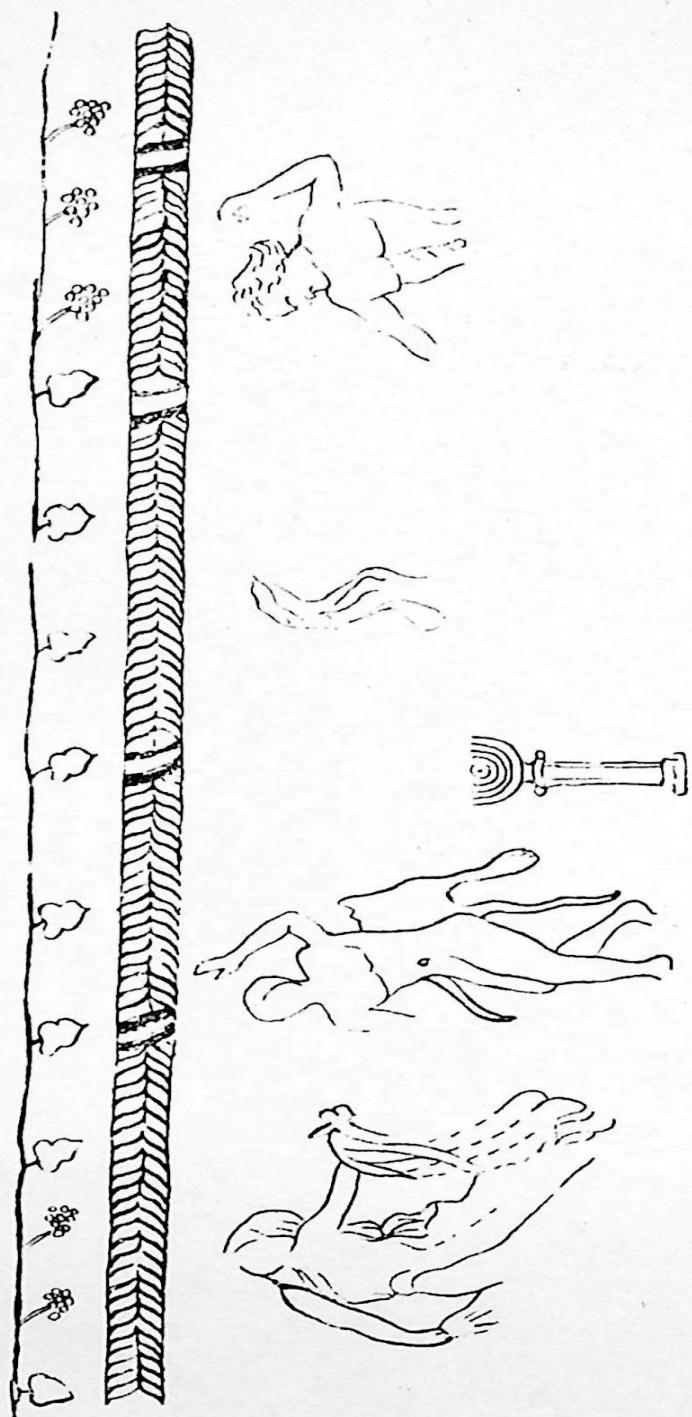
Таблица XXIII
Самтредо, дворец и дворцовые сооружения, планы и разрезы

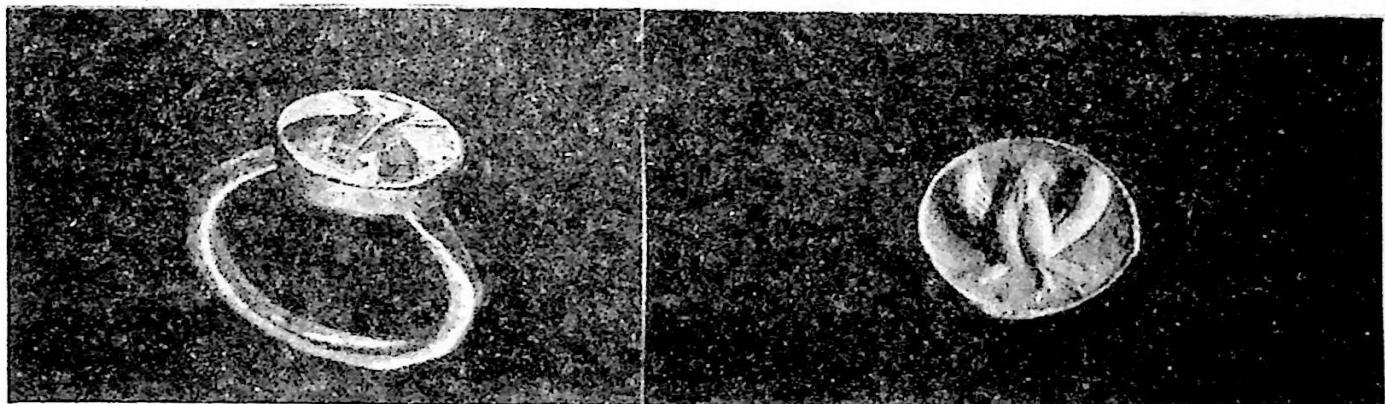
Таблица XXIV
1 Мавзолей из с. Баличи.
2 Надгробия — скульптуры баранов из с. Абулбуги.

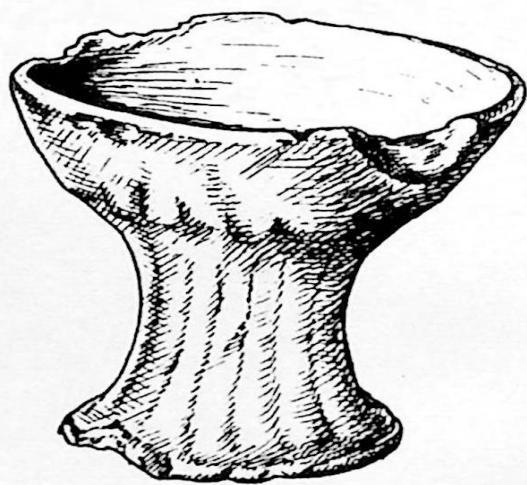
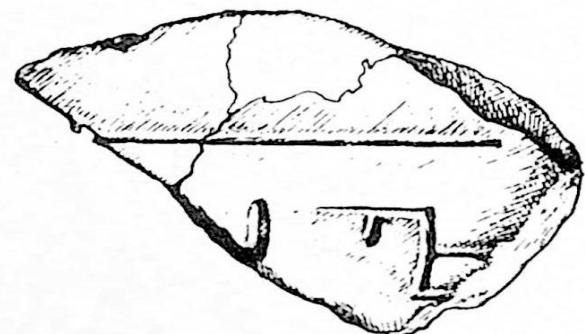
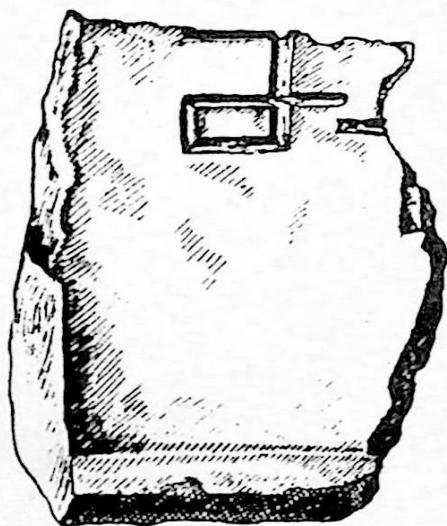
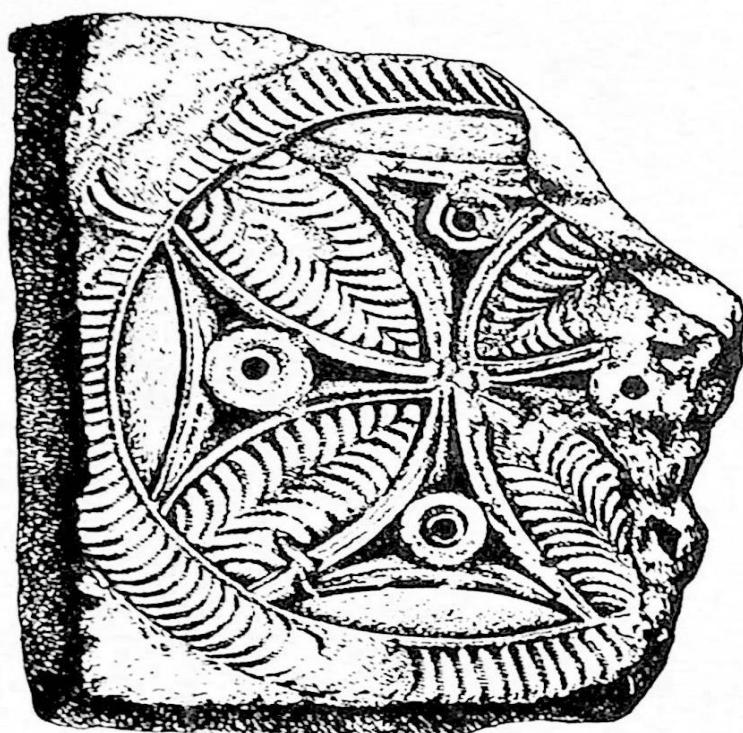

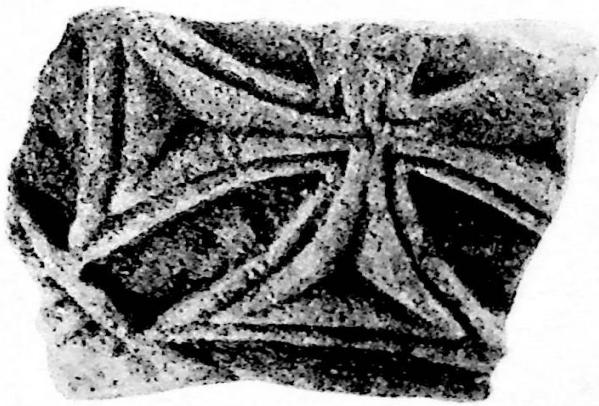
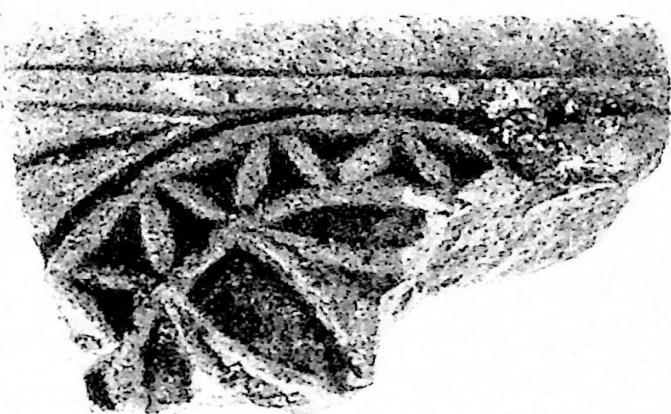

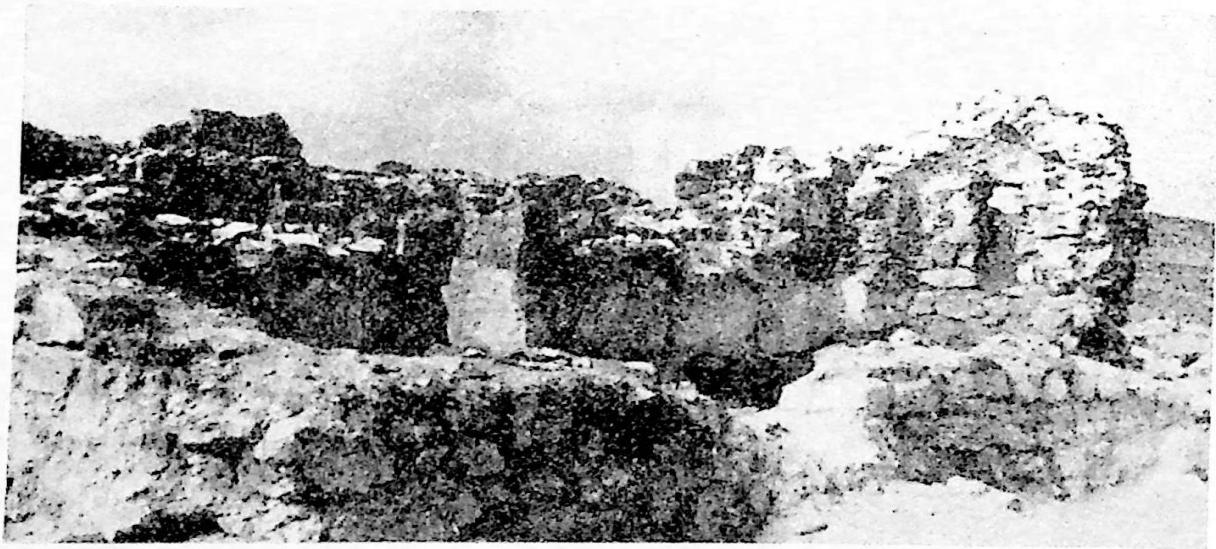

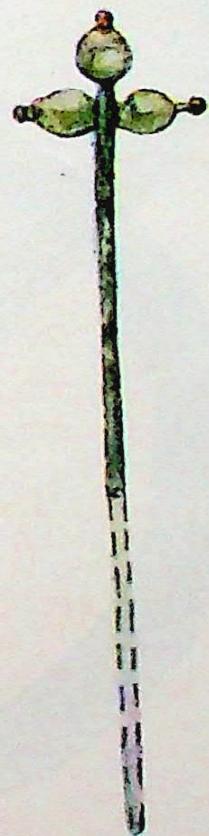

X

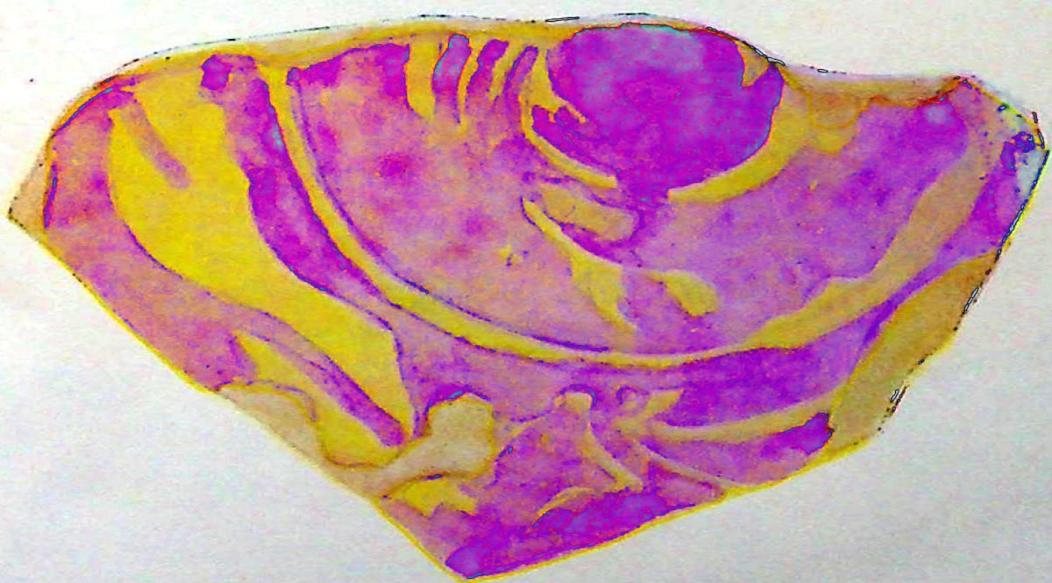

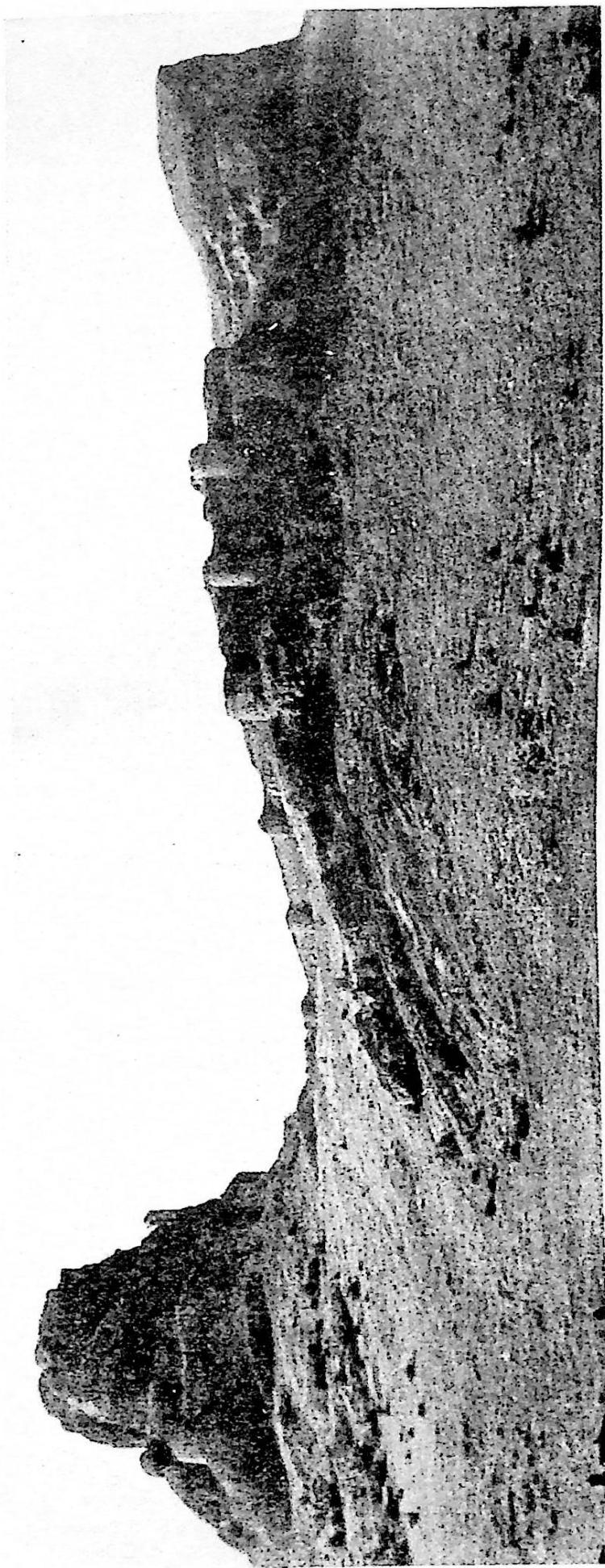

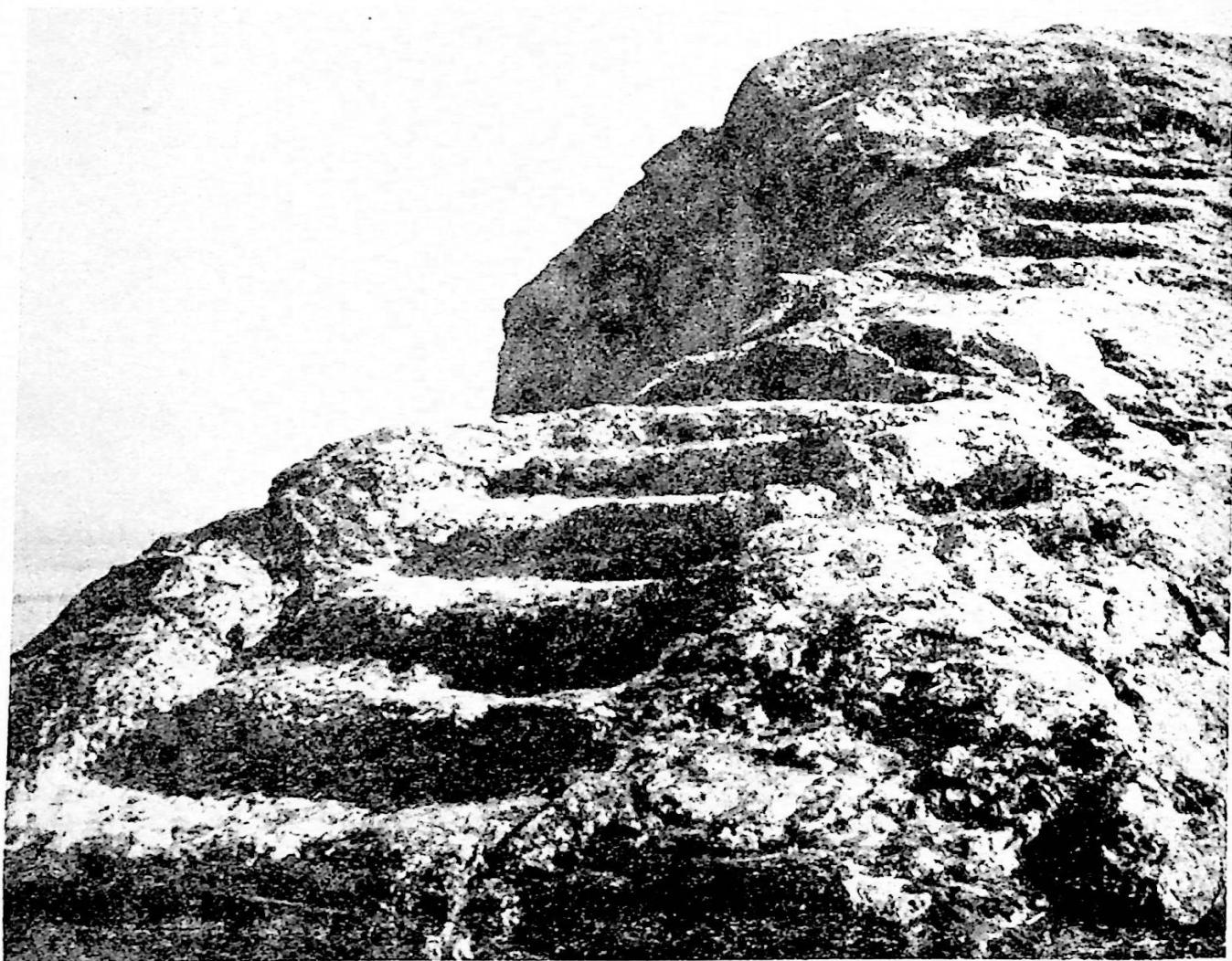

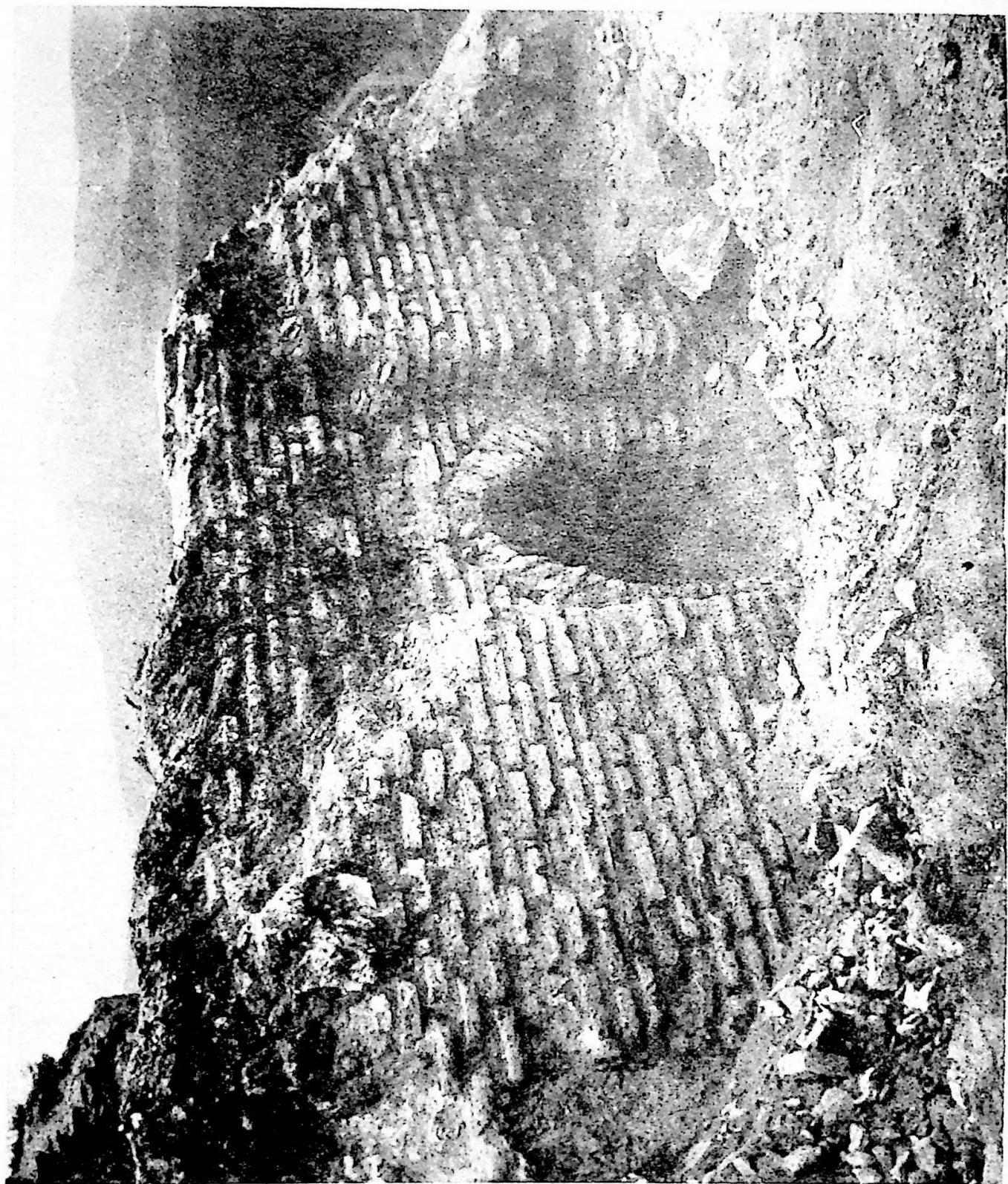

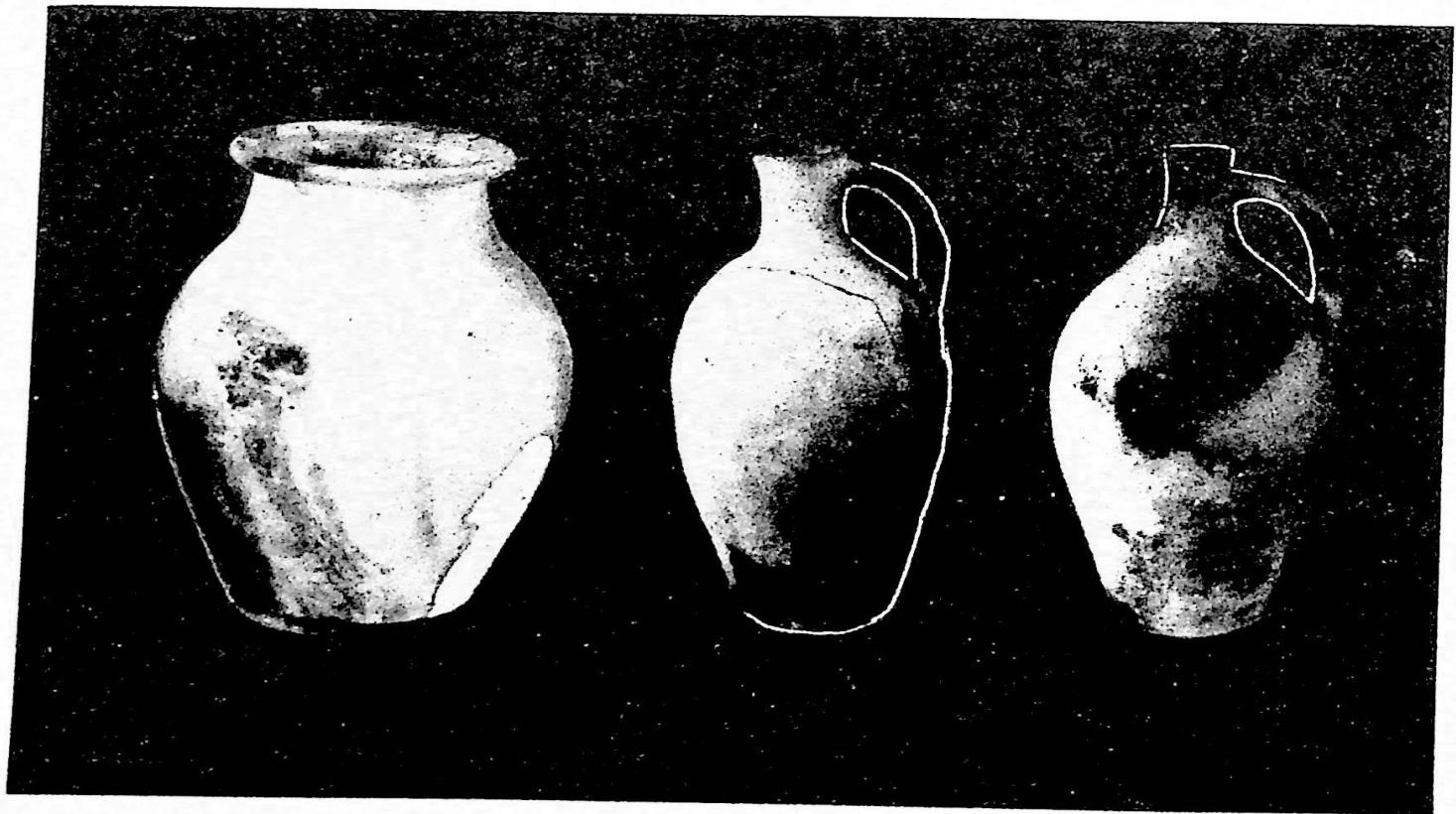
XVIII

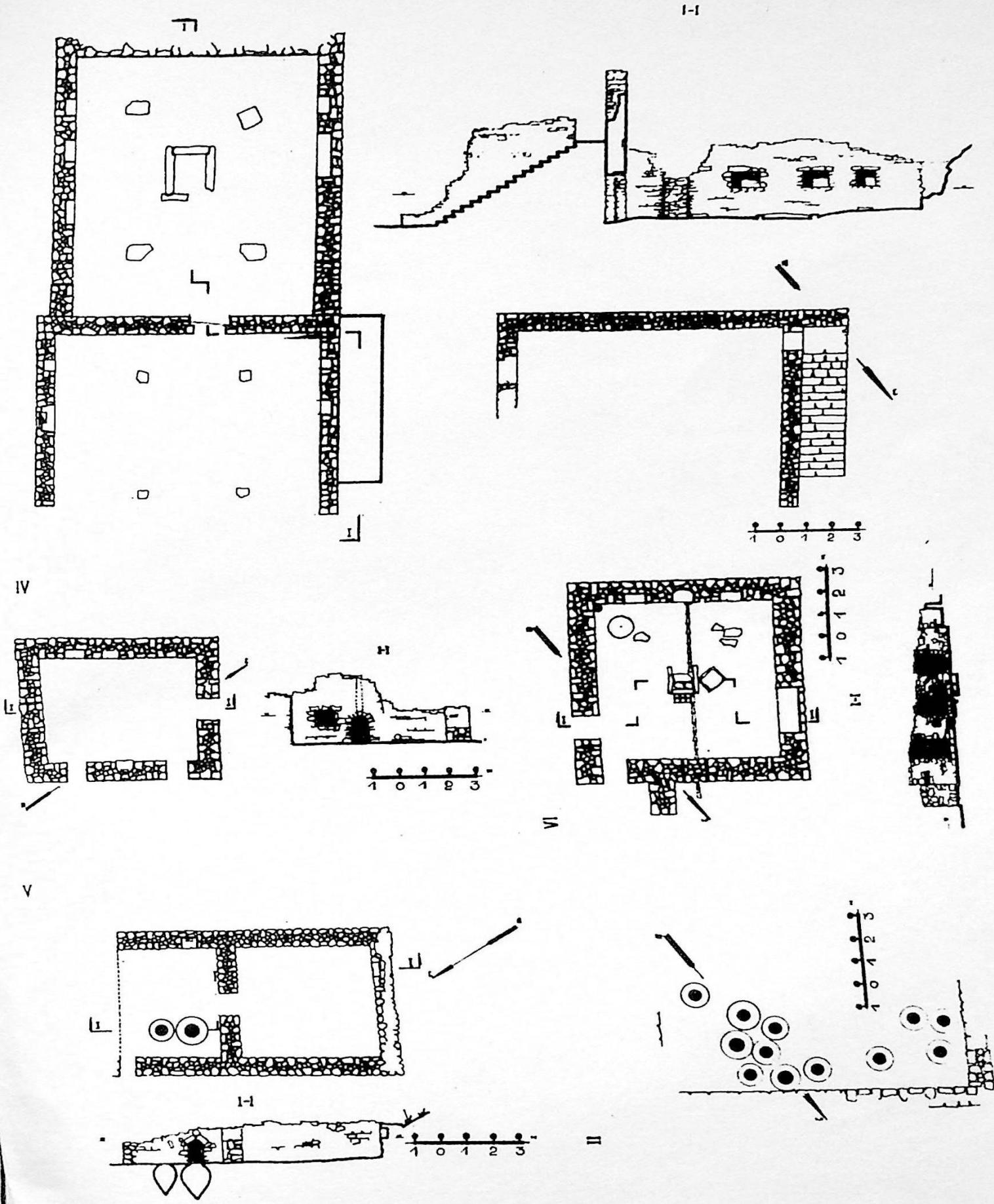

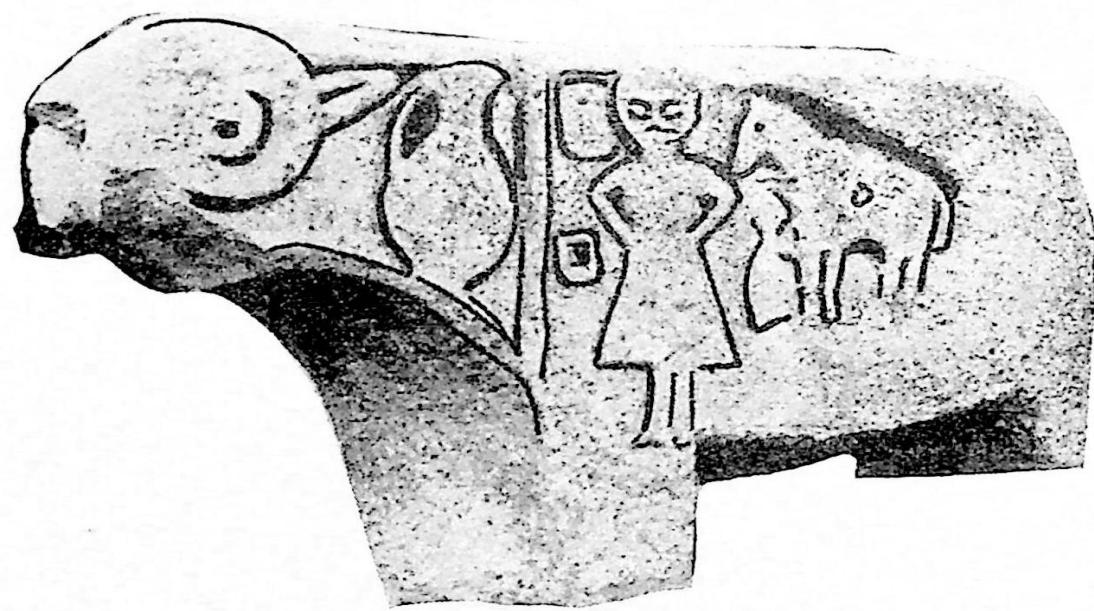

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Памятники бронзовой и античной эпох из Казрети	9
1. Памятники бронзовой эпохи	9
2. Памятники античной эпохи	16
Глава II. Памятники раннего и развитого средневековья	19
1. Участок церкви Бучурнани	19
2. Участок нижней церкви с могильником	24
3. Памятники с. Баличи	26
4. Погребения из с. Рачис-Убани	30
5. Стелы Хатис сопели	31
Глава III. Археологические памятники Арахло и Кучуло	35
Глава IV. Памятники позднего средневековья	46
1. Усадьба Самтредо	47
2. Погребальные памятники	51
Резюме (на франц. яз.).	57
Описание таблиц	59

Напечатано по постановлению редакционно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

*

Редактор издательства Л. Лабадзе

Техредактор Ц. Камурадзе

Корректор Н. Кузнецова

Сдано в набор 11.7.1977; Подписано к печати 6.12.1977; Формат
бумаги 60×90¹/16; Бумага № 1; Печатных л. 7.70; Уч.-издат. л. 6.75

УЭ 01223; Тираж 1000; Заказ 3014;

Цена 1 руб.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Издательство «Мецнериба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Типография АН Груз. ССР. Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

МАНАНА ИВАНОВНА СИНАУРИДЗЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
БОЛНИССКОГО РАЙОНА
(исследования 1969—1977 гг.)

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИРЕБА» ВЫПУСКАЕТ
В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. Коллектив авторов. «Археологическая экспедиция Гос. музея Грузии».
2. Коллектив авторов. «Религия и атеизм в Грузии».
3. Т. Л. Беридзе. «История окрестностей старого Тбилиси».

